

Лариса Касири

Королева
двора

Лариса Райт Королева двора

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6114378
Райт Л. Королева двора : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-65882-4*

Аннотация

Первый красавец двора Мишка Полуянов привлекал внимание многих девчонок. В него влюбились и отчаянная Ксанка, и застенчивая неуклюжая Верочка. Сам же Мишка смотрел только на Дину. А Дина... Дина любила балет.

Прошло время, все герои этой истории давным-давно повзрослели, но отношения между ними остались по-прежнему запутанными...

Содержание

1	4
2	13
3	27
4	45
5	54
6	75
7	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Лариса Райт

Королева двора

*«Воображение есть бурный океан,
по которому человек плавает
часто на авось. Следует ли удивляться
частым его кораблекрушениям?»*

Н. А. Добролюбов

1

– Упадет, ой, упадет! Смотри, Ксанка, разобьется ведь су-масшедший! – Перепуганная Верочка дергала подругу за руку и показывала туда, куда были устремлены глаза всех ребят во дворе.

Мишка Полуянов – хулиган и двоечник (в виду исключительно лени и отсутствия должного родительского контроля, а не мозгов) – только что перебрался с крыши гаража на забор, вдоль которого понизу сплошной чередой тянулись битые стекла, ржавые железки, увесистые булыжники и еще много всякого опасного для жизни мусора. Но парень вниз не смотрел, он балансировал на узком бетоне, медленно передвигаясь, высоко закинув голову, подставив свое и без того испещренное веснушками лицо жаркому летнему солнцу и загадочно улыбаясь неведь чему, будто эта рискованная

прогулка была делом самым обыкновенным, во время которого вполне можно отвлечься и помечтать о чем-то своем.

– Упадет дурачок! – твердила Верочка с типичной женской интонацией, объединяющей в себе и умиление, и восхищение, и искреннее, нескрываемое волнение.

– Да ладно тебе, Верка, каркать. – Подруге наскучили ее причитания. Она отвела руку, которую Вера не переставала дергать, и равнодушно отвернулась от забора. – Что ему будет-то? Выпендривается, да и только.

– Ничего не выпендривается! – Верочка все восприняла на свой счет, даже зарделась. «А что, если и правда он из-за кого-то... А вдруг из-за меня! А хоть бы и так! Ох, если бы действительно из-за меня, тогда бы...»

– Точно, выпендривается! Было бы из-за кого! А то ни кожи ни рожи.

Верочка потупила маленькие глазки, задышала часто курносым носом. Неужели правда из-за нее на забор забрался? Это ведь у нее ни кожи, ни рожи, ни фигуры – колобок, да и только.

– Из-за кого? – переспросила, затаив дыхание.

– А ты не заметила? Гляди, там, – теперь уже Ксанка больно дернула подругу за руку, – в первых рядах. Да не туда смотришь! Там Светка с Надькой. На кой они Мишке сдались – первоклашки. Левее, да еще левее. Что ты на Борьку уставилась?! Будет Мишка на забор из-за него сигать! Да вон же рядом с бабой Шурой стоит, ну с пучком, видишь теперь?

– Вижу. – Верочка вытянула шею, стараясь рассмотреть получше ту, на кого показывала Ксанка. Девочка была невысокой и очень стройной, даже худой, похожей на статуэтку, способную сломаться даже от легкого дуновения ветерка. Шея такая длинная и тоненькая, что оставалось совершенно непонятным, каким образом она выдерживает заметную тяжесть волос, скрученных на затылке в тугий узел. Верочка, как ни пыталась, ничего больше разглядеть не смогла. Девочка стояла к ним спиной и, судя по задранной вверх голове, так же, как все собравшиеся, не сводила глаз с отчаянного мальчишки на заборе.

– Кто это?

Ксанка должна быть в курсе. Ее мать работала в домоуправлении и, конечно, все про всех знала.

– Балерина. – Ксанка постаралась вложить в голос максимум презрения, хотя не испытывала его ни к самому искусству, ни к людям, им занимающимся.

– Балерина... – замороженно повторила Верочка и еще больше вытянула шею, чтобы уловить хотя бы какие-то черты той, что стояла в партере.

Словно повинувшись Вериному тайному желанию, девочка обернулась, скользнула по ним взглядом и снова вернулась к созерцанию Мишкиных кульбитов. Перед Верочкой промелькнули тонкие, будто нарисованные черным карандашом брови, темные большие глаза и маленькая мушка над верхней губой.

– Красивая, – зачарованно протянула Вера.

– Вот корова, – беззлобно укорила подругу Ксанка. Ее раздражала Веркина незлобивость и покорность всему происходящему. Весь двор в курсе ее влюбленности, а она будет восхищаться той, к которой неровно дышит объект ее девичьих грез. Ну, не корова ли? – Корова и есть.

– Красивая, – повторила Верочка теперь уже с грустью, не забыв напомнить себе о том, что завидовать плохо.

– Да что в ней такого красивого?! – Ксанка не любила, когда подруга расстраивалась. Это грозило уходом домой и слезами в подушку. Без Верочки ей во дворе стало бы скучно. На голубятню мать запретила лазить еще неделю назад, на кино не было денег, а в реке обнаружили кишечную палочку и поставили на берегу табличку «Купаться запрещено». В другое время Ксанка, может, и плюнула бы на табличку, но очередное ослушание грозило отлучением не только от голубятни, но и от улицы вообще, а потому позволять подруге расстраиваться было никак нельзя. Если она решит предаться горю, Ксанке не останется ничего другого, как отправиться домой и читать очередную муру из списка внеклассной литературы. Список состоял из тридцати заданных на лето произведений, из которых одолела она со скрипом, слезами и скандалами не больше пяти. Нет, она не могла позволить Верочке уйти и с жаром принялась исправлять допущенную оплошность.

– Да ты приглядиись, Верунь, – жердь, да и только. – Это не

были просто слова. Ксанка, крепкая, ладно сбитая, с уже начавшей оформляться к одиннадцати годам грудью, на самом деле считала худышек несчастными, а Верочкину полноту – скорее достоинством, нежели недостатком.

– Подумаешь, жердь. Зато глаза какие! И смотрит на него.

– На него все смотрят, хотя, по-моему, спектакль давно перестал быть интересным.

Словно в подтверждение ее словам балерина опустила голову, протиснулась между Борькой и тетей Шурой и пошла прочь.

– Ишь ты! – Ксанка почувствовала, как против воли в ней появилось уважение к незнакомой девочке. – Видишь, – она с энтузиазмом пихнула Верочку в бок, – ей плевать на твоего Мишку. У них в балете небось и не такие па выделывают.

– Ничего не на моего, – не преминула покраснеть Верочка, но все же заулыбалась. Маленькая балерина уходила, не оборачиваясь, совершенно не заботясь о том, чем закончится Мишкино восхождение. А значит, можно было продолжать мечтать, что когда-нибудь вместо дежурного «Привет, колобок!» он скажет: «Здравствуй, Вера», и тогда...

– Все, концерт окончен. Не бойсь, целехонек твой Ромео. – Ксанка небрежно дернула рукой в сторону забора – Мишка понуро стоял уже на другой крыше. – Пойдем отсюда!

– А куда? – Верочка, наконец, переключила внимание на подругу.

– Да куда угодно! Лишь бы подальше отсюда.

– Ой! Подальше нельзя. Мне мама сказала сегодня в центр не ездить. Там Высоцкого хоронят.

– Кого? – Ксанка была хорошей актрисой. В то время невозможно было поверить, что кто-то не знал этой фамилии, но Верочка – образец наивности – поверила:

– Ты что, не знаешь?!

– А надо? – Недоумение было изумительным. Ксанку похвалил бы сам Станиславский и еще рассказал бы о ней Немировичу, как его там... Датченко... Дарченко, да, в общем, все равно.

– Да ты что?! Он же такой актер, и поэт, и песни пел. У тебя разве родители на Таганку не ходят?

– В тюрьму, что ли?

– Издеваешься, да? – Это перебор даже для доверчивой Верочки.

– Ты про театр? Нет, не ходят. – Это уже чистая правда. Театралами Ксанкиных родителей назвать было нельзя.

– А мои «Гамлета» видели. Жаль, детей на вечерние спектакли не пускают. Но я зато кассеты его слушаю и кино смотрела. Неужели ты «Вертикаль» не смотрела? Он там еще про скалолазочку поет.

– Не смотрела. – Ксанке наскучило врать. Она и фильм видела, и песню знала, но ей необходимо было уйти со двора и Верочку увести. – А что, у тебя кассеты есть?

– Ага.

– Пойдем, послушаем?

Верочка в последний раз обернулась к забору. Конечно, ей ужасно хотелось, чтобы Мишка заметил ее восхищенные глаза, чтобы понял, что она не ушла, как та, другая, не бросила его, а осталась до последнего, волнуясь и беспокоясь, и переживая, но все же возмущение невежеством подруги оказалось сильнее:

– Пошли. – Она решительно направилась к подъезду. – Я тебе романсы поставлю.

– Романсы? – Теперь Ксанке не надо было притворяться. У них в доме кроме «...гляди-кась, попугайчики», да «в желтой, жаркой Африке...» редко что можно было услышать.

– Тебе понравятся. – Верочка открыла дверь, и Ксанка, прежде чем нырнуть в прохладный мрак подъезда, все же не удержалась: обернулась и тут же вздохнула с облегчением, увидев, как долговязая Мишкина фигура слезает с крыши гаража. Слава тебе, Господи, дошел, не расшибся. И слава тебе, Господи, никто не заметил ее напряжения, никто не угадал ее чувств – ни Верочка, ни Мишка, ни остальные ребята и ни эта противная новенькая, ради которой не обращающий никакого внимания на дворовых девчонок мальчишка вдруг устроил целый спектакль. Но это только Верочка способна рыдать в подушку и бескорыстно восхищаться соперницами. Ксанка другая: непокорная и не ждущая ударов. Уж кто-кто, а она и сама способна врезать кому угодно.

– Оксан, ты слушать будешь? Сама же просила, – Верочка

обиженно поджала губки, — и где-то витаешь.

— Здесь я, запускай.

Ксанка забралась с ногами на диван, прижала черные пятки к светлому пледу, который Верочкина мать, библиотекарь, стирала каждую неделю и отказывалась менять на другой, более практичный, исключительно из-за того, что в одной очереди за этими пледами с ней стояла женщина, которая рассказала, что с какими-то ее родственниками соседствует Белла Ахмадулина. И вот поэтесса приобрела точно такой же. Мама Верочки рассказу об Ахмадулиной поверила. И казалось ей, что наличие пледа приближает ее к кумиру, а потому она покорно стирала, сушила, гладила, не растрачивая энергию на ругань из-за темных пятен на белой шерсти. Ксанка еще повозила пятками по дивану: ноги чесались. До начала Мишкиного восхождения она как раз влезла в крапиву. Кто-то из малышни крикнул Верочке вслед «Колобок», и Ксанка мгновенно ринулась за жгучей травой, чтобы наказать обидчика. Обожгла и руки, и ноги, и даже лицо, а Верочка так разохалась, что даже не заплакала из-за ненавистного прозвища. Ну а потом уже все заметили Мишку и забыли обо всем на свете. А Ксанка забыла еще и о крапиве. А теперь вот вспомнила и неторопливо втирала грязь со своих пяток в светлый плед, слушая, как хриплый голос собирается постелить влюбленным поля. Ксанка бы тоже влюбленным кое-что постелила. Но не поля, конечно, а ленту с гвоздями, например. Жаль, нет у нее такой ленты.

– Жаль, что нельзя пойти на похороны, – вздохнула Верочка. – Народу тьма и еще Олимпиада.

– Жаль, – откликнулась Ксанка, и Верочка, конечно же, не заметила, что ответила подруга вовсе не ей, а каким-то своим сокровенным мыслям.

Наде Сизовой не было никакого дела до похорон поэта. Нет, пожалуй, дело все-таки было. Тьма народа, тянувшаяся со всех сторон к Ваганьковскому кладбищу, заполонила близлежащие улицы. И теперь, глядя на печальных людей, сжимавших в руках по четыре поникшие гвоздички и плотными рядами двигавшихся по улице, Надя испугалась, что поток подхватит ее и унесет, а ей необходимо было идти в обратном направлении. Если бы не похороны, она дошла бы до Беговой, села бы на автобус и доехала до зоопарка минут за пятнадцать. Но сейчас рисковать не стоило. Надя отпросилась пораньше, хотя должна была дежурить еще полчаса, и старшая медсестра, узнав, куда направляется девушка, посоветовала:

– Иди к «Динамо». До улицы Горького, а там в метро. Все надежнее будет. – А потом уже пожалала плечами и пробормотала потише, так, чтобы Надя не слышала: – В такой день, и в зоопарк.

Надя услышала. День для посещения зоопарка был, на ее взгляд, самым замечательным: в зоопарке будет относительно немногочисленно, так что и к клеткам можно будет подойти беспрепятственно, и просто посидеть в уединении на скамейке у пруда. Да и потом, если бы не похороны, не было бы ни зоопарка, ни тем более уединения. Соревнования никто

не отменил бы, и сидел бы Джузеппе сейчас в своей Олимпийской деревне и ел бы сваренные в столовке слипшиеся макароны и рассказывал бы Наташке о том, что у них в Италии макароны называют пастой и готовят совершенно по-другому. Да и цвета они желтого или, в крайнем случае, светло-кремового, но никак не серого, как те, которые подают здесь.

В общем-то, Надю советские макароны вполне устраивали. Особенно те, что готовила мама, и про пасту она еще неделю назад ничего не слышала и не услышала бы, если бы не Наташка, которая позвонила ей в двенадцатом часу ночи и переполошила всех, требуя разбудить уже спавшую подругу. А когда сонная Надя, наконец, подошла к телефону, огорошила ее безапелляционным требованием отменить завтрашнее дежурство в больнице, потому что «шанс, который ей выпал, выпадает только раз в жизни, и она будет полной дурой, если им не воспользуется».

– Какая деревня? Куда идти? – Надя все никак не могла взять в толк, о чем ей так лихорадочно тараторит в трубку Наташка.

Деревня оказалась Олимпийской, и идти предстояло именно туда, потому что по «счастливой, очень счастливой случайности» однокурсница Наташи по «Морису Терезу», с которой они вместе работали с итальянской делегацией, заболела, а Надя на эту девушку так похожа, что родная мать не отличит.

– Главное, чтобы чужие дядьки не отличили, – мрачно пошутила Надя. Мероприятие было заманчивым, но рискованным. – Неужели ты воображаешь, что кое-кто не заметит, что переводчица ни слова не понимает по-итальянски?

– Да тебе не придется ничего переводить! Очень мне надо ради тебя подставляться! К бегунам Лариску пошлют, у Нинки, ну, у той, что заболела, пропуск не отобрали. Пройдешь по ее бумажке, а так все время со мной будешь. Если бумажка есть, то какой с тебя спрос? Раз бумажку дали, значит, имеешь право стоять там, где стоишь. Или не хочешь постоять на арене Лужников?

– Хочу, – согласилась Надя с той решимостью, которая свойственна исключительно неопытной, бесшабашной юности, не склонной то ли по глупости, то ли по возрасту задумываться о последствиях своих поступков.

Впрочем, последствия данной проделки для Нади пока ограничивались исключительно приятным знакомством с высоким темпераментным атлетом Джузеппе, которому милостивая блондинка с невероятно сложным именем (после «д» у него звучала «й»), а ударение всегда оказывалось на последнем слог) понравилась сразу. Сложно сказать, понравился ли Наде итальянец с первого взгляда. Скорее ее завоорожило его восхищение ее скромной персоной. Да, она была молоденькой, да, стройной – не то что сестра Верочка, которую весь двор и весь класс, кто за глаза, а кто и в лицо, называет «колобком», но к чему обманывать саму себя, самой

обыкновенной. Ноги могли бы быть подлиннее, грудь повыше, глаза побольше, а волосы погуще. В этом они с Веркой были похожи – глаза маленькие, хоть и приятного небесного цвета, а вместо копны волос у младшей – хилая косичка, а у старшей – несколько тонких сосулеч, обрамляющих узкое личико и спадающих на плечи неровными секущимися дорожками. Многие советовали Наде подстричься. Даже мама, считающая, что «приличная девушка должна носить длинные волосы», иногда позволяла себе сказать нечто вроде «а может, и правда, покороче сделать» или «говорят, перманент снова в моде». От химии девушка не отказалась бы, если бы не попала к хорошему мастеру, который, взглянув на ее голову, предупредил, что не ручается за сохранность остатков шевелюры после «столь жестоких экспериментов».

– Может, простая стрижка? Каре или еще короче? – предложил он, но Надя только отмахнулась, поднимаясь с кресла. Прическу пришлось бы укладывать. К тому же волосы ее были хоть и тонкими, но непослушными, а потому непременно стали бы выбиваться из-под косынки и мешать делать уколы, ставить капельницы и мерить давление. К тому же руководитель практики обязан был оценивать не только профессиональные знания и умения будущих врачей, но и определять их соответствие высокому званию медика, а советский медик обязан быть аккуратным и выглядеть безукоризненно. Надя старалась: хвостик, лак «Прелесть», косынка, – и никто ни к чему не придерется.

В общем, отношения с модной прической складываться не хотели, но теперь девушка была даже довольна. Мальчишеская стрижка не смогла бы привести в такой восторг ее нового знакомого, который восхищенно проводил рукой по длинным сосулькам и не переставал восторгаться, повторяя ежеминутно такое музыкальное, ласкающее слух «Bella»!¹ Надя сама, возможно, не догадалась бы, но Наташка быстро объяснила что к чему:

– Волосы у тебя светлые, глаза – голубые. Ты для них чудо заморское, потому как у них бабы все черные, носатые и страшные.

Конечно, просто красавицей быть приятно, но и стать ею в сравнении с кем-то тоже неплохо. Хотя, справедливости ради, Надя все же поинтересовалась:

– А Софи Лорен?

– Лорен – одна, а Италия большая: целый сапожище, – ни секунды не задумавшись, подмигнула Наташка, и подружки расхохотались, чрезвычайно довольные собой, итальянцами и Олимпиадой. А Надя еще и парой жгуче-черных глаз, преданно заглядывающих в ее – голубые, и глубоким баритоном, чередующим уже знакомое «bella» с не менее завораживающими «dolce» и «cara»².

Красавец, иностранец, спортсмен. Лето, юность, мечты и подружка, все время нашептывающая о «невообразимом ве-

¹ Красавица (ит.).

² Сладкая, дорогая (ит.).

зении и уникальном шансе», — все это кружит голову, сводит с ума и заставляет терять остатки рассудка и бдительности. А кому не нравится нравиться? Возможно, очень симпатичные женщины, пресыщенные вниманием противоположного пола, восприняли бы как должное восхищение любого мужчины, но Надя повышенным вниманием кавалеров похвастаться не могла. Точнее, до случайного знакомства с Джузеппе она вообще не могла похвастаться какими-либо победами на любовном фронте. Нет, в школе, бывало, ей нравился какой-то мальчик, потом другой, затем третий. Впрочем, ни один из них взаимности не проявлял, и ничем не подкрепленные да и не слишком сильные чувства так и остались где-то за горизонтом выпускного вечера. Ну, а в институте ее больше интересовали лягушки, чем однокурсники, в больнице увлекалась она больными и их болезнями, а не коллегами и их отношением к своей скромной персоне. Хотя какое могло быть отношение у профессоров и хирургов со стажем, опытом и задраным носом к студентке, ставящей капельницы и откликающейся на сухие команды «Тампон!» или «Зажим!» А если кто-то и позволял себе с интересом взглянуть, что за девушка протягивает ему требуемый инструмент, то ничего кроме невыразительных глаз, спокойно, без тени кокетства и подбострастия, взирающих на светило хирургии между повязанной на лбу косынкой и плотно сидящей на носу повязкой, не видел. Уж если кто из докторского состава больницы и был заинтересован во флирте, то выбирал, как

правило, кого-нибудь из бойких, языкастых, веселых медсестер.

Надей пока никто не увлекся настолько сильно, чтобы водить на «Доброго человека из Сезуана» или простаивать многочасовую очередь в кафе-мороженое «Космос» на Тверской, или катать всю ночь на велосипеде, или петь под окнами арии из итальянских опер. Именно поэтому переведенное Наташкой робкое предложение Джузеппе: «Давай куда-нибудь сходим» – привело девушку одновременно в высшую степень восторга и замешательства:

– Ой! Хорошо. А куда? А когда? А как? Нет, я согласна. Но как? А разговаривать мы как будем? Наташ, ты с нами пойдешь?

– Ага. Брошу всю делегацию и отправлюсь смотреть, как вы воркуете, – сказала с юмором, но не без зависти. Наташка симпатичная, но темненькая, а итальянцы приехали за экзотикой, поэтому ей комплименты отпускают, но на свидания не зовут.

– А как же? Я прямо не знаю. Нет, я пойду. Ты переведи, переведи ему, что я согласна. Только как? А его выпустят?

– Его-то определено, а вот обоих вас вряд ли. У нас же все под контролем. Ты – человек проверенный, элита, можно сказать, переводчица, допущенная к иностранному телу. И обязана демонстрировать благочестие и целомудрие за всех вместе взятых советских девушек.

– А только за себя нельзя?

– Нет! – отрезала Наташка. – Хочешь, чтобы Нинку исключили? И меня вместе с ней, когда все откроется?

– Нет. А что же делать?

– Встречаться в городе.

– В городе? А где?

– Боже мой, Надя! Если ты такой же профан и в медицине, то я в жизни не стану у тебя лечиться. «А что? А как? А где?» Хоть в театре, хоть в цирке, хоть в зоопарке. Какая ему разница, где тебя оглаживать.

Надя покраснела. Какое счастье, что Джузеппе ни слова не понимал по-русски! Все-таки Наташка была грубовата. Недаром Надина мама никогда не одобряла этой дружбы, но, будучи человеком интеллигентным (библиотекарь все-таки!), не ограничивала дочерей в выборе друзей. Наташка, правда, хоть за словом в карман не полезет, все же образованна и начитанна, и будущее ее ждет, судя по всему, неплохое. У них на переводческом факультете девочки нарасхват, так что к концу обучения если и не выскочит замуж, то уж кандидата в мужья точно найдет. А вот Верочкина дружба с Ксанкой... Той палец протяни – она руку откусит. А Наташка что? Подумаешь, колкости проскакивают, она все-таки и добрая, и башковитая. Вон как лихо место встречи придумала. Театр и цирк не подходят, конечно. Туда билеты недешевые, да их еще и достать надо. А вот зоопарк в самый раз. С одной стороны, там достаточнолюдно, а с другой, – никому из посетителей не будет никакого дела до Нади с ее кавале-

ром.

Всю дорогу до метро Надя бойко стучала каблучками, которые весело напоминали ей: «Быстрее! Быстрее!» Она дошла до Ленинградского шоссе, пробежала по переходу, даже не остановившись у киоска «Союзпечати», в который обещали привезти открытки с фотографией Анны Герман. У Нади уже были снимки Майи Кристалинской, Муслима Магомаева, Людмилы Гурченко и Аллы Пугачевой. Но это были все-таки наши, советские звезды, а Герман хоть и своя, но все же немного чужая – заграничная, а потому ее карточку очень хотелось получить. Но сейчас девушка даже не вспомнила о том, что фотография польской певицы с чарующим голосом, может, дожидается ее в киоске. В голове бешеным ритмом стучало только одно: ее дожидается итальянец. И не нарисованный, а настоящий живой. И, возможно, даже известный. И не возможно, а точно. Это ведь она спортом не интересуется, а так – всякому понятно, что бездарных спортсменов на Олимпийские игры не отправляют. Пусть в Москве ее новый знакомый пока и не завоевал ни одной медали, но у себя на родине он наверняка личность знаменитая.

Надя вскочила в вагон метро и улыбнулась собственным мыслям: возможно, когда-нибудь он выиграет чемпионат мира, и в киосках станут продавать открытки с его изображением. А она увидит и обязательно скажет какой-нибудь подружке или даже другу, восхищающемуся достижениями Джузеппе:

— Ах, этот... Да-да, припоминанию. Кажется, как-то гуляли вместе в зоопарке.

Картина нарисовалась такая живая и естественная. Надя будто услышала свой равнодушный тон, увидела небрежный поворот головы. Увидела и рассмеялась, и тряхнула жидкими волосами, которые сегодня были тщательно завиты щипцами и делали девушку похожей на пуделя. Эти рассуждения, однако, свидетельствовали не только о буйном воображении, легком нраве или беспечности, но и о присутствии в ее голове здравого смысла. Мечты сводились лишь к мимолетному упоминанию своего знакомства со знаменитостью, а не к переезду в Италию и варке пасты для оравы шумных итальянских детишек, которых она нарожает одного за другим. Нет, никуда дальше нескольких недель Олимпиады Надя не заглядывала. Не потому, что хотела жить сегодняшним днем, а потому, что будущее, точнее его отсутствие у этой истории, было для нее очевидным. В ее возрасте далеко не всем свойственен трезвый взгляд на вещи. Гораздо чаще юные девы склонны витать в облаках и верить в то, что в их жизни непременно все сложится именно так, как написано, показано и придумано. Надя же, несмотря на юность и отсутствие опыта, ни секунды не сомневалась в том, что Джузеппе улетит из ее жизни сразу же вслед за симпатичным мишкой, который, как поговаривали, должен воспарить на воздушных шарах в завершение Олимпиады.

Но пока итальянец был здесь. Подпирал широкой атлети-

ческой спиной решетку входа в зоопарк и улыбался (ну, конечно же!) всем проходящим мимо девушкам, которые хихикали и шептались и кокетливо оборачивались, безошибочно угадывая в этом ярком молодом человеке иностранца. Волосы у него были слишком длинные, джинсы чересчур обтягивающие, поза необыкновенно свободная, а улыбка до того нахально беззаботная – сложно было представить такую на лице нашего молодого человека. Впрочем, когда он заметил приближающуюся Надю, от решетки оторвался и на других смотреть перестал. Теперь улыбка его стала радостной и открытой и адресована была только ей.

«Жаль, на открытке он будет в спортивной форме, и выражение лица наденет совсем другое – официальное, отстраненное, – подумала Надя, – станет человеком для всех. А вот если бы запечатлеть его сейчас: такого веселого, искреннего, призывно машущего букетом ромашек, принадлежащего только мне одной...»

– Жаль, у меня нет фотоаппарата, – проговорила она вместо приветствия. Хотя могла бы сказать что угодно. Русский Джузеппе понимал еще хуже, чем Надя итальянский. Она, по крайней мере, успела выучить те несколько эпитетов, которыми ее постоянно одаривал новый знакомый.

– Foto? – неожиданно спросил итальянец, видимо, уловив в Надиной фразе какой-то набор знакомых звуков.

– Sì, – мотнула она головой, – foto no³, – и сокрушенно

³ Да. Фото нет (ит.).

развела руками.

Джузеппе смотрел на нее молча, ожидая дополнительных разъяснений. Надя повертела головой по сторонам. Как назло, ни одного папаши, фотографирующего свое чадо у входа в зоопарк. Девушка взяла растерянного кавалера за руку и подвела к газетному киоску, ткнула пальцем в милые сердцу открытки, показала на Катрин Денев, потом на себя, затем на Джузеппе, повторила:

– Foto no.

Итальянец постучал по лицу французской актрисы, спросил:

– Questo?⁴

Надя пожала плечами, не зная, о чем он спрашивает и что отвечать. «Хочет знать, как это называется?»

– Открытки.

– Откййитки, – повторил Джузеппе в окошко киоска и снова постучал по французенке. Через мгновение перед ним лежала россыпь изображений известных людей искусства. – Откййитки, – повторил он, очень довольный собой, и добавил: – Selezionare!⁵

– Что?

– Откййитки. – И он показал сначала на снимки, потом на себя, затем на Надю. И снова на себя, потом опять на Надю: – Selezionare.

⁴ Эту? (ит.)

⁵ Выбирать (ит.).

– Ты хочешь купить мне? Ты? – показала на него, – мне? – снова на себя.

– Si, sì.

Что же, вместо снимка Джузеппе придется ей выбирать на память о нем чье-то другое лицо. Надя склонилась над открытками, сердце учащенно забилося: прямо ей улыбалась с карточки Анна Герман. Надя взяла снимок.

– Questo?

– Sì, questo, но я могу сама. – Девушка полезла за кошельком.

– No! No! – Он возмущенно замахал руками, заплатил за открытку, протянул Наде: – Chi è?

– Что?

Итальянец теперь показал на Брижит Бардо:

– Франци, фильме.

– А... Польша. Поет, певица. Ну, как бы тебе объяснить? «Покроется небо пылинками льда...» – затянула девушка.

– А-а-а. – Он закивал головой. – Sì, sì, cantante. Tu amare cantante?⁶ Челентано, Тото Кутуньо? Джузеппе mandare⁷ Надя, – снова указательным пальцем в свою грудь, затем в Надю.

– No. No Челентано, по Кутуньо, – замотала она головой. – Джузеппе.

– О-о! Foto Джузеппе?

⁶ Ты любишь певцов? (ит.)

⁷ Прислать (ит.).

– Si, si.

– О, cara. – И он легко коснулся Надиной щеки едва уловимым, почти бестелесным, совершенно невинным поцелуем, за которым при всем желании невозможно было угадать тех последствий, которыми обернется это знакомство.

«Сегодня. Это случится сегодня». Дина стояла у окна и смотрела, как услужливый швейцар распахивает двери ЦУ-Ма перед обладателями тугих кошельков. Она пыталась отвлечься, заострить внимание на внешности снующих по улице дам, чтобы, не особо утруждаясь, запомнить модные тенденции и новинки сезона. В конце концов, те, кто входил и выходил из самого дорогого универмага столицы, обязаны следовать моде. И она тоже обязана. Не за горами второе десятилетие двадцать первого века, в котором обладание брендами Гуччи, Диор, Валентино и другими, к сожалению, зачастую будет цениться выше, чем наличие у человека таланта. Что ж, по крайней мере, у Дины имеется и то, и другое.

– Грустите, Дина Сергеевна? – раздался за спиной знакомый голос.

– Да не так, чтобы слишком. – Она обернулась, пытаясь улыбнуться как можно естественнее, хотя чувствовала, что губы все равно кривятся как-то натужно, ненатурально. – Да и с чего мне грустить?

Марк с трудом протиснулся в примерку, заняв все пространство внушительной стопятидесятикилограммовой фигурой, и Дина сразу повеселела, в который раз подумав о том, как прекрасно, гармонично смотрелся бы этот человек на оперной сцене, если бы, конечно, обладал голосом. Голо-

са у Марка не было, впрочем, как и слуха, танцевал он исключительно на дружеских вечеринках в узком кругу и под большим градусом, поэтому в театр его привела любовь во-все не к искусству, а исключительно к его распространению в массы. Работу свою он любил и немного жалел о том, что должность его, некогда так красиво именуемая импресарио, теперь свелась к сухому официальному слову «администратор». Иногда, правда, артисты называли его директором, и в этих случаях необъятный торс Марка моментально становился еще шире, колесо груди еще круче, а мощные плечи еще величественнее. «Да, звезда без директора – не звезда. Ни концертов, ни аншлагов, ни сборов не получит и вообще во всех своих делах запутается, связи растеряет и гонораров не получит». Это понимал не только сам Марк, но и его подопечные, поэтому если они и не водили с ним крепкой дружбы, то и не ссорились: дорожили сложившимися прочными деловыми отношениями и никогда не опускались до проверок его деятельности. Марк жил в свое удовольствие, командовал артистами и только перед Диной робел. Чувствовался в ней внутренний стержень, который сразу же давал понять окружающим, что она не из общего стада, а из вольного степного табуна, и жить будет по своим, а не по предложенным законам, и делать будет то, что захочет, а не то, что предписано. А еще Марку мешало руководить ею то самое мужское нутро, которое всегда робеет перед красотой и заставляет безжалостного удава неожиданно превращаться в кролика.

Нет, он не был влюблен. Точнее, был когда-то давно, еще в Свердловске, но с той поры прошло лет пятнадцать, а то и больше, и наступать дважды на одни и те же грабли Марк не собирался. Он привык легко, без особого труда ловить радости жизни, а те, за которые пришлось бы бороться неопределенное количество времени, беспощадно отодвигал сразу и навсегда, никогда не жалея об упущенных возможностях.

В случае с Диной и жалеть-то было не о чем. Вместо кратковременной интрижки – крепкая дружба, ну, а если предположить, что возможный роман мог бы перерасти в нечто большее и закончиться браком... Нет уж, увольте! За годы работы он всласть насмотрелся на несчастных людей, исполненных муками творчества и готовых абсолютно все положить на алтарь искусства. Все эти репетиции и спектакли, все переживания по поводу отданной кому-то другому роли, сорванной премьеры или неудачного прогона... А чего стоит жизнь в образе, когда, репетируя большую партию, актер так вживается в своего персонажа, что продолжает его играть и в собственном доме. Жизнь с человеком более приземленным, возможно, не так интересна и насыщена, но все же гораздо спокойнее. А спокойствием своим Марк дорожил. Потому и женился на девушке, далекой от мира искусства. Светлана была женщиной серьезной, кандидатом наук и даже успела проработать около года в каком-то научно-исследовательском институте. Но замужество внесло коррективы в ее профессиональные планы. Быстрая беременность и рож-

дение двойни далеко не всем женщинам мешает вернуться «к станку», но жена Марка неожиданно обнаружила, что ей нравится проводить время с детьми, жить их интересами и не заниматься бесконечными вычислениями и прогнозированием будущего планеты в зависимости от количества осадков. Так, через три года после свадьбы Марк окончательно забыл, что когда-то, представляя жену знакомым, с удовольствием добавлял, что она – метеоролог. Теперь он, приобнимая ее за талию, с гордостью произносил: «Моя Света!», и не было ни в этом жесте, ни в некотором пафосе, звучащем в голосе, ничего показного. «Его Света» была образцом идеальной жены: не ревнивая, покладистая, никогда не встречающая в дела мужа, но умеющая, если ее спросят, дать толковый совет, великолепная мать и отличная хозяйка. Все это наверняка не смогла бы обеспечить женщина, уделяющая минимум пятнадцать часов в сутки своей карьере. Ну, когда ей варить борщи, если утром у нее репетиция, днем прогон и примерка, вечером спектакль, а ночью банкет? Некогда. А борщи Марк любил, поэтому о выборе своем никогда не жалел. Красивыми актрисами восхищался в основном на расстоянии. А если и случалось когда сокращать дистанцию, то без романтических последствий и без каких-либо тревожных опасений и подозрений со стороны супруги.

Впрочем, Марк знал, что если подобные подозрения и возникали когда-либо у жены, то в отношении Дины их быть не могло никогда. Дина всегда вела себя с ним сдержанно и

спокойно: дружелюбно, но вместе с тем подчеркнуто отстраненно, иногда чересчур прохладно. Даже улыбаясь, не забывала поставить между ними воображаемую преграду, разговаривала без малейшего кокетства, глаз никогда не отводила и поведением своим просто не позволяла окружающим предположить возможность какого-либо, пусть даже самого легкого, безобидного флирта между ней и администратором.

Даже теперь, когда стараниями Марка Дина была как никогда близка к исполнению давней мечты, она смотрела на него без какого-либо благоговения и без малейших признаков благодарности.

– Я не грущу и не волнуюсь, Маркуша. – Голос ровный. Эмоции либо отсутствуют, либо тщательно маскируются, и это несмотря на годы совместной работы, на взлеты и падения. Всегда разговор по делу и никогда по душам. Поэтому и жене Марка не о чем беспокоиться. Если женщина не желает впускать мужчину в свою душу, то вреда его семейному очагу не принесет.

– Ну, грустить тебе действительно не о чем. Это я так спросил. Вид у тебя невеселый, вот я и, значит... – Марк замылся, но тут же нашелся, приободрился, с трудом втиснулся в кресло перед трельяжем, побарабанил пальцами по коробке с гримом: – А вот волноваться, наверное, тебе не помешало бы...

– Считаешь? – Едва заметный взлет бровей, но никакого интереса к возможному ответу.

– Уверен! Говорят, если артист перестал волноваться перед выходом на сцену, то он кончился как артист. Спекся, сдулся, понимаешь?

– Кто говорит? – Прищурила глаза и усмехнулась даже. Видно, и Снежную королеву можно обжечь резким словом.

– Артисты и говорят. Причем, посмею заметить, не самые последние.

– А я, Марк, давно не волнуюсь, но и конченной себя не считаю.

– Короче, волнуешься или нет, выход через три часа. Сейчас гример придет. – На других подопечных Марк бы спустил всех собак за подобные речи, а тут лишь губы поджал да дверью, выходя из комнаты, хлопнул чуть громче обычного.

Дина оторвалась от окна, медленно приблизилась к трюмо, села в кресло, в котором только что сидел Марк.

«Эх, Маркуша, Маркуша! Ты, конечно, прогневался. Только оттого ли, что твоя подопечная не трепещет перед выходом на сцену? Нет, милый, нет. Ты недоволен, я бы даже сказала взбешен, потому что я не купаюсь в дурмане счастья и не рассыпаюсь перед тобой в ежесекундных благодарностях. Я ведь это должна делать, с твоей точки зрения? Я должна лобызать тебе руки и кланяться в ноги за то, что ты добился для меня признания, славы и денег. Ох, милый, если бы это случилось лет двадцать назад, я бы так и поступила. А теперь: большой вопрос, кто из нас кого должен благодарить первым. Ты меня продаешь и делаешь это великолепно,

приносишь доход нам обоим, и доход весьма неплохой, но я для тебя – такая же золотая жила, как ты для меня. Я не умею продавать, ты – не танцуешь. В тандеме мы сила, по отдельности – никто. Я не влезаю в твою епархию, не проверяю бумаги и не требую отчета, так и тебе, наверное, не следует рассказывать мне о том, что должен или не должен чувствовать артист перед выходом на сцену».

– Марк Иосифович сказал, я могу начинать, – робко просунулась в дверь молоденькая гримерша. Дина не поняла, с кем в большей степени связана застенчивость девушки, с ней или с Марком, но все же ободряюще улыбнулась:

– Как вас зовут?

– Оля.

– Проходите, Оля. Раз Марк Иосифович сказал, будем начинать.

– Пастель, романтик, агрессив? – гримерша распахнула небольшой переносной чемоданчик, выбрала подходящую кисть и замерла в ожидании указаний.

– Оленька, вы читали афишу?

Девушка моментально вспыхнула, отвела глаза, выдавила чуть слышно:

– Не успела.

«Пожалуй, это я ее так пугаю. Бедняжка! Тогда с Марком она, скорее всего, даже дышать рядом боится». И черт дернул Лилю заболеть так не вовремя! Она бы уж точно не стала задавать таких вопросов. Лилия всегда знает, кого танцу-

ет Дина, и делает безупречный, соответствующий роли макияж. Но проверенный гример валяется дома с давлением, и в распоряжении Дины вот этот испуганный, едва блеющий ягненок, которого лучше привести в чувство, нежели добивать и расстраивать. Меньше всего артисту нужны дрожащие руки обиженного гримера.

– Вы не обязаны успевать, детка. – Дина мягко дотронулась до ледяной кисти девушки. «Слава богу, она гримирует, а не массирует. От таких рук любые мышцы сведет еще больше». – У вас своя работа, у меня – своя. Я сейчас все расскажу, и приступим. Только у меня будет одна маленькая просьба, если вас, конечно, не затруднит. – Дина слегка улыбнулась.

– Да?

– Тон... Вы не могли бы наносить его кистью, а не руками.

– Руками ровнее...

«Что? Ягненок вздумал блеять?!»

– И все же. – Вежливо, но непреклонно.

– Как скажете.

«А разве может быть по-другому?»

– Вот и отлично. Сегодня у меня просто отдельные зарисовки. Классика перемежается авангардом, спокойствие сменяется бурей, так что грим должен быть соответствующий: не нейтральный, но и не слишком вызывающий, краски яркие, но не кричащие. Справитесь?

– Постараюсь.

«Что ж, интонации уверенные. По крайней мере, это обнадеживает».

— Тогда вперед.

Дина одним движением скрутила волосы в тугой пучок, быстро нанесла на лицо крем, прикрыла глаза и, откинувшись на спинку кресла, кивнула девушке.

Дина всегда любила эти минуты сочетания абсолютного бездействия с волшебным превращением гадкого утенка в прекрасного лебедя. Конечно, она, если высыпалась и пребывала в ничем не омраченном состоянии духа, и без макияжа выглядела красивой, величавой, запоминающейся птицей, но жизнь — это жизнь, а сцена — сцена. И всегда среди зрителей найдется придирчивый любитель разглядеть на лице артиста не эмоции, а морщины, а в ногах балерины не виртуозную выворотность, а напряженность и дрожь усталых мышц. Против таких охотников позлословить существовало в ее репертуаре лишь одно беспроигрышное и чудодейственное средство: безупречность. Внешний вид — визитная карточка, и ее визитка непременно должна быть отпечатана в самой лучшей типографии, где никто не допустит ни грубых ошибок, ни легких помарок, ни смазанных штрихов, ни неверно угаданного тона. Этой девочке, несмотря на допущенную оплошность, можно довериться. Ее нашел Марк, а Марк не имел дела с непрофессионалами. Поэтому, уверенная в том, что над ее лицом колдует мастер своего дела, Дина могла позволить себе расслабиться.

Актеры по-разному используют драгоценные минуты нанесения грима. Многие, как правило, повторяют роли: драматические зубрят слова, балетные мысленно репетируют па, оперные молча распевают арии. Иные размышляют о том, куда поехать в отпуск, третьи анализируют, как вести себя на очередных пробах, чтобы их наконец взяли в какой-нибудь, пусть третьесортный, но хорошо оплачиваемый сериал. Молоденькие, неопытные, витающие в облаках непременно рассуждают о том, как, кто и почему на них посмотрел, и придумывают различные объяснения этим порой и несуществующим взглядам, ищут, а подчас и находят какой-то скрытый смысл там, где его нет и никогда не было. И делятся этим с орудующим над их лицом человеком, а потом удивляются, откуда то тайное, сокровенное и вообще воображаемое вдруг становится достоянием всей труппы и обрастает такими подробностями, о которых девицы даже и не грезили в своих мечтах.

Дина давно перестала обращать внимание на то, кто и как на нее смотрит, и слушать, кто и что о ней говорит. Она не интересовалась разговорами о себе и о других, все больше молчала, поэтому и судачить о ней не судачили, да и беседы светские не заводили. На гриме Дина была предоставлена самой себе. Даже с Лилей, которая последние несколько лет работала с ней, она не позволяла себе фамильярности и не обсуждала ничего, кроме погоды, искусства и собственно макияжа. На кинопробы, хотя предложения и поступали, она

не ходила, в долг ни у кого не брала, репетировать закачивала в танцклассе, о вещах житейских (что, когда купить, кому позвонить, куда заехать) успевала подумать в пути из дома на работу и обратно. А драгоценные минуты сценического макияжа Дина тратила на рисование. Нет, собственно, рисовать ни карандашами, ни красками она не умела. Бабушка даже сетовала на то, что, дав внучке такие ноги, Бог напрочь забыл о руках. Почерк у Дины был неразборчивый, из кругов все больше получались овалы, части пластилиновых животных почему-то не хотели крепиться друг к другу, а у нарисованных человечков вместо рук были палки и отсутствовал даже намек на существование плеч и шеи.

– Руки-крюки, – вздыхала бабушка.

– Крюки, – весело соглашалась внучка.

Кто знает, возможно, если бы кисти умели все делать правильно, в них не было бы той неимоверной легкости и гибкости, которая позволяла руководителю их балетного кружка в свердловском Дворце пионеров выделять девочку среди остальных учениц и хвалить больше других.

В общем, никаких комплексов от неумения рисовать Дина не испытывала. Тем более что сейчас и не нужны были руки. Все неистовые пейзажи, все фантастические сюжеты возникали и оставались написанными в ее воображении. Наверное, если бы она была способна перенести все это великолепие из головы на бумагу, то могла бы не беспокоиться о своем будущем вне сцены, но бабушкино выражение «ру-

ки-крюки» было слишком памятным и несокрушимо верным.

Сегодня Дина собиралась продолжить уже начатую картину. Пока сложился только верх: ясное синее небо, синее настолько, что даже желтый диск палящего солнца казался белым, почти прозрачным. Что-то должно было быть в этом небе. Но что? Самолет казался и признаком обыденности, и в то же время вестником опасности. Птицы – чистейшей прозой, воздушные шары – прекрасной идеей, но слишком детской. Она даже подумала об Олимпийском Мишке, полет которого, как и все лето восьмидесятого – ее первое лето в Москве без жутких тягот общежития – помнила очень хорошо. Подумала и решила, что Мишку обязательно нарисует, но не в небе – там его видели все, а где-то там, в неведомом краю, куда он все-таки прилетел. Для неба надо было найти кого-то другого. Дедал и Икар – пустое, очевидное, всем известное; загадочное НЛО – научное и слишком серьезное; бесконечные линии проводов, макушки столбов или фонарей – приземленное, техническое и не творческое. И вот едва она отмела макушки фонарей, как тут же в голову молнией ударила мысль: «Жираф!» А после удара она сразу услышала:

– Готово, Дина Сергеевна.

И тогда, в тот день, она встала, и пошла на сцену, и была про жирафа. До следующего грима. А теперь вот сразу вспомнила о нем, точнее, не обо всем животном, а о его

милой морде, увенчанной двумя славными рожками. Ну, конечно, голова жирафа в небе, хотя он сам, безусловно, на земле. Динин жираф смеялся, свесив синий, как у чау-чау, язык набок и шевелил короткими светлыми рожками с коричневыми помпонами. Вот если бы она рисовала на бумаге, он ни за что бы не шевелил, а так – пожалуйста, сколько угодно. И вправо, и влево, и вверх, и вниз, и вместе, и врозь, и вдоль, и поперек. А еще у жирафа в ушах были наушники, потому что он слушал плеер, который, конечно, виден не был, так как располагался ближе к земле, но Дина-то знала, что в ушах жирафа Рики Мартин весело распевал «Living la vida loca»⁸, и именно поэтому копыта животного, которые тоже, естественно, не поместились на картине, скручивались в узелки и раскручивались обратно в соответствии с бешеным ритмом известной песни. Жираф как раз снова распутал пятнистые ноги и готовился совершить свой коронный, высоченный прыжок: так, чтобы копыта раскинулись в разные стороны и показались на картине. Вот как высоко собирался прыгнуть жираф. И обязательно прыгнул бы, если бы у Лили не подскочило давление, а найденная Марком Оленька оказалась бы не только скромной и застенчивой, но и неболтливой.

– Это правда, что вы из Екатеринбурга? – И жираф так и остался стоять на земле.

«Зачем спрашивать то, о чем давно написали все газеты?»

⁸ Проживая сумасшедшую жизнь (англ.; исп.).

Однако она ответила, в конце концов, девочка с кисточками могла газет и не читать:

– Правда. Только тогда он назывался Свердловск.

– Хороший город?

Дина лишь плечами пожала. Что она могла помнить из первых восьми лет своей жизни? Дежурный памятник Ильичу на центральной площади да здание вокзала, которое многие считали шедевром архитектуры, а она ненавидела, потому что именно отсюда поезд увез маму обследоваться в Новосибирск и уже не привез обратно. То есть привез, но уже не маму, а какую-то чужую куклу в деревянном ящике, к которой все подходили и целовали в лоб, а Дина боялась, и упиралась, и плакала, и удивлялась, почему всегда раздающий за капризы подзатыльники отец не обращает сейчас на нее никакого внимания, а все сидит у ящика, держит (как только не боится!) куклу за руку и раскачивается, будто болванчик, из стороны в сторону.

– Я плохо помню, – наконец, ответила Дина.

– А вы давно уехали, да? А почему?

Она могла бы сказать, что педагоги разглядели в ней талант и все уши прожужжали бабушке о том, что надо показывать внучку светилам, что необходимо по-чеховски «В Москву! В Москву!». Объяснений она нашла бы целую кучу, но единственным все равно оставалось лишь это:

– Из-за куклы в ящике.

Оленька уронила кисть.

– Ой! Извините! – Засуетилась, заметалась.

Дина открыла глаза, взглянула на девушку, отметила, что та покраснела. «Интересно, из-за чего? Из-за нечаянной оплошности или из-за собственных мыслей? Ведь наверняка подумала о том, что эти артисты не от мира сего: витают в облаках и говорят загадками». Дина скосила глаза в зеркало. «А тон ровный, хороший. За такое мастерство и чрезмерное любопытство простить можно».

– Тон славный получается. Я такой и хотела.

– Спасибо. – Щеки Оленьки снова стали пунцовыми, а Дина, решив, что исчерпан и инцидент, и разговор, снова прикрыла глаза и вернулась к своей картине. Жираф даже успел оторваться на несколько сантиметров от земли, но снова рухнул, подбитый очередным вопросом:

– А где вы начали танцевать? Там, в Свердловске?

– Да. Во Дворце пионеров.

– А учителя первого помните? Ну, балетмейстера.

– Я не хочу! Не хочу я, Антонина Андреевна, никуда уезжать. – Восьмилетняя Дина размазывала по щекам катящиеся градом слезы. Она стояла перед руководителем студии и громко, отчаянно всхлипывала. – Ну, пожалуйста, пожалуйста, я вас умоляю, поговорите с бабушкой, скажите, чтобы она меня оставила.

– Как же я могу это сделать, Диночка, если я сама посоветовала ей показать тебя в Москве?

– Вы? – Неожданность была столь велика, что, пока ребенок сумел осмыслить сказанное, слезы успели высохнуть.

– Я, дорогая.

– Зачем? Зачем вы этого хотите? Я вам больше не нужна? Я плохо танцую?

– Напротив, глупышка! Разве нужны в Москве те, кто плохо танцует? Ты, наоборот, делаешь это слишком хорошо, чтобы оставаться здесь.

– Но я хочу, хочу остаться. Зачем мне уезжать?

– Там другие возможности, другие условия, другие учителя.

– Мне не нужен никто, кроме вас!

– Ты просто ребенок и не понимаешь, что талант надо уметь не только разглядеть, но и взрастить. Зрение у меня отличное, а вот садовник я неважный.

Дина не понимала, какое отношение имеет зрение и садовник к тому, что она, обычная второклассница, увлекающаяся балетом, должна оставить семью, друзей, родной город и ехать куда-то для того, чтобы обычное увлечение превратилось в смысл жизни.

– Антонина Андреевна, я не хочу к другим педагогам. Мне нужны только вы.

– Пройдет время, солнышко, и ты даже мое имя и отчество будешь вспоминать с трудом. Если, конечно, вообще будешь.

Дина и не вспоминала. Незачем было. Да и в Сверд-

ловск-то приезжала на каникулы всего два раза. Потом бабушка умерла, папа перебрался с новой семьей на Украину, и Дина, конечно же, рвалась купаться в теплом Днепре, а о Свердловске и об оставшихся там людях и думать забыла. А сейчас вдруг моментально вспомнила. Будто память услужливо выдвинула нужный ящик и позволила прочитать, и заставила произнести:

– Антонина Андреевна Глинская.

– У вас хорошая память.

«Слава Богу, таблеток пока пить не приходится».

– Взгляните, румяна так оставить или чуть насыщеннее положить?

Дина придирчиво оглядела свои скулы:

– Можно немного добавить.

Оленька кивнула, снова хватаясь за кисть. Дина опять попыталась представить жирафа, но вместо него в небе теперь парила Антонина Андреевна и командовала звонким голосом:

– Фонденбра! Еще! Молодцы! Плие! Ниже! Хорошо! Еще!

– Еще, – Дина даже повторила вслух.

– Зачем? По-моему, можно так оставить. Иначе будут слишком темные щеки.

– Да-да. – Дина неожиданно для себя смутилась. – Вы правы, оставим так.

– Что-то случилось? – Оленька почувствовала перемену

в своей модели. Еще бы не почувствовать: балерина только что вернулась с небес на землю и теперь ужасно жалела об окончательно утраченном, растворившемся в недрах воображения жирафе.

– Жирафы? – Верочка в недоумении смотрела на старшую сестру. – А почему?

– Ну... они высокие. – Не могла же Надя объяснить приставучей сестрице, что жирафы запомнились ей больше других животных только лишь потому, что именно около их вольтера Джузеппе решился ее поцеловать.

– А пони низкие.

– Отстань, Верка!

И Верочка с готовностью отстала. Грубость сестры несколько не обидела и не задела ее. «Если Надюша кипитится, значит, у нее есть на то причины, значит, это она, Вера, что-то не так сказала, или сделала, или посмотрела, или промолчала. В общем, не важно. Главное, что если сделать то, о чем просит сестра, мир вскоре будет восстановлен. Надя перестанет сердиться и, возможно, даже расскажет хоть что-нибудь интересное про зоопарк, или про больницу, или про...»

– Ве-ерка-а-а! В-е-ерк!

Крик Ксанки несся через двор и врывался в открытое окно. Верочка быстро выглянула на улицу, приложив палец к губам, и скорее из комнаты в коридор, из коридора на лестницу... С грохотом пронеслась со своего шестого этажа, чуть не сбив на втором соседку. «Извините» прокричала уже с первого и выкатилась из подъезда, зацепившись мыском о

порожек и эффектно растянувшись прямо у Ксанкиных ног.
– Осторожней! Убьешься! – Ксанка протянула подруге руку.

Верочка встала, потирая ушибленную коленку, улыбнулась. Ксанка все-таки добрая и хорошая, хоть и напускает на себя серьезность и говорит подчас грубовато. Конечно, нюни не распускает и не причитает: «Ой, Верочка! Ой, голубушка! Что же это такое, разбилась, матушка...» Представив это, Верочка расхохоталась.

– Чего ржешь?

– Ничего, пошли!

– Куда идти-то?

– Не знаю. Ты же меня звала зачем-то, значит, собиралась куда-то.

Теперь смехом залилась Ксанка.

– Вот дурища ты, Веруня! – У Ксанки всегда так: грубое слово обязательно подсластит ласковым. – Мало ли чего я орала. Может, хотела узнать, сколько времени.

– Половина восьмого.

Ксанка от хохота пополам согнулась.

– Ну, что ты смеешься? Что я такого сказала? Правда ведь девятнадцать тридцать. Не веришь? – Верочка протянула Ксанке запястье с простенькими часиками: – Смотри!

– Верю, верю. – Ксанка вытерла слезы.

– Так что, мне домой идти?

– Еще чего! Айда. – И, призывно махнув рукой, Ксанка за-

шагала широким шагом к детской площадке. Верочка спешно семенила за ней.

Во дворе было многолюдно: на скамейках судачили о соседях местные бабушки, молодые мамыши болтали, ногами раскачивая коляски с мирно сопящими младенцами, мужики отдельными компаниями забивали козла или расписывали пульку, мальчишки соревновались в метании перочинного ножика, найденного Борькой по счастливой случайности час назад в мусорном баке.

– Классный инструмент, – громко одобрила Ксанка, усе-
лась на железную трубу и похлопала по ней рукой, пригла-
шая подругу присоединиться. – Дай метнуть!

Верочка сразу заволновалась:

– Ксаночка, может не надо, а? Ксан...

– Отстань! – Ксанка уже вертела нож в руках.

– Отдай! – прозвучал сзади неожиданный громкий окрик.

– Чего?! – Ксанка оторопело обернулась, желая узнать, кто из дворовых решился нарваться на неприятности. Позади нее, протягивая руку, стоял Мишка.

– Ксаночка, правда, отдай ножик, а? – забормотала Верочка, сразу же отводя глаза и вспыхивая. Она должна отгово-
рить подругу. Верочка добудет Мишке ножик, и тогда он на-
верняка соизволит хотя бы взглянуть на нее.

– Заткнись, Веруня! – отмахнулась метательница, замечая и румянец, разлившийся по щекам подруги, и ее бегающие глаза, и даже читая затаенные мысли. Тут же забыв о Вероч-

ке, усмехнулась, глядя прямо в глаза Мишке: – А шнурки тебе не погладить?

– Дай, говорю! – Мишка продолжал наступать, и Верочка не на шутку забеспокоилась: «Что-то будет! Ксанка – горячая голова, уступать не привыкла, да и Мишка не терпит, чтобы ему перечили. Ой, беда!»

Но вопреки ее тревожным мыслям Ксанка неожиданно спокойно протянула Мишке нож:

– А и возьми. Только чур после тебя моя очередь.

– Лады. – Мишка схватил трофей, но кидать не торопился, все вертелся у черты, присматривался, прицеливался, будто ждал чего-то.

– Чего не кидает-то? – тихо пискнула Верочка.

– А ты глянь. – Ксанка живо пихнула ее в бок, и Верочка послушно повернула голову в указанном подругой направлении.

Через двор торопливо шла давешняя новенькая. Верочка против воли залюбовалась девочкой. Она напоминала птицу: была легкой, тонкой, не идущей по земле, а парящей над нею. «На Мишкином месте я бы тоже в нее влюбилась», – решила она. И не было в этой мысли ни зависти, ни злости, ни какого-либо другого недружелюбного чувства к незнакомке. Только тоска от того, что она – Верочка – на своем месте, а потому и напоминает всем колобка, который катится по дорожке, а не свободную, гордую чайку, кружащую над морем, или прекрасного лебедя, рассекающего зеркальную

гладь пруда.

– Понятно теперь? – Очередной тычок подруги вернул Верочку к реальным событиям во дворе.

– А что мне должно быть понятно?

– Ох, и недотепа же ты, Верка. Ну, смотри, смотри. Сейчас она подойдет поближе, и тогда...

Девочка как раз поравнялась с площадкой, и Мишка, издав громкий победный клич, что есть силы бросил нож, который спустя мгновение уже сверкал рукояткой ровно в центре мишени. Та, ради которой совершился столь искусный бросок, едва взглянула в сторону ребят и, почти не сбавляя темпа, полетела дальше, как вдруг:

– Ба! Удивил! Да так каждая девчонка может, – Ксанка почти кричала и добила-таки своего: «прекрасная лебедь» замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась, повернувшись к площадке и с любопытством глядя на Ксанку. Та, в свою очередь, никуда не торопилась. Прицелилась несколько раз то ли для пущей меткости, то ли для того, чтобы набралось побольше зрителей, то ли для того, чтобы Верочка, наконец, перестала причитать: «Ксаночка, ну, не надо, а? Все одно промахнешься ведь».

– Посмотрим, – чуть слышно ответила девочка, и через секунду нож стремительно просвистел в верно заданном направлении и вошел точно в центр мишени. Тут же раздались восторженные и не очень возгласы:

– Ух ты!

– Во дает!

– Подумаешь...

– Ну, дела!

Ксанка принимала комплименты, с усмешкой посматривая на Мишку и с тщательно скрываемым нетерпением ожидая его реакции. Успела она бросить взгляд и на новенькую, внимательно следившую за происходящим. Бросила и расстроилась: та на нее не смотрела – следила за Мишкой. Ее интересовало его поведение, а не Ксанкин триумф. Ксанка продолжала улыбаться, принимать поздравления и расшаркиваться перед вмиг образовавшейся группой своих фанатов, мысленно приказывая Мишке: «Ну, давай же, спасуй! Спасуй, тебе говорят!»

Однако Мишка был вольной птицей, приказам не подчинялся, жил своим умом. Он дождался тишины и лишь тогда под прицелом множества глаз спокойно подошел к Ксанке, по-отечески хлопнул ее по плечу и во всеуслышание заявил:

– А ты – молодец! Не ожидал!

Ксанка успела подумать о том, что сейчас, чего доброго, зальется румянцем, подобно Верочке, но вовремя отметила, что Мишка уже забыл о ней! Он стоял и глазел на новенькую, а та ему одобрительно улыбалась. Так что Ксанка лишь фыркнула презрительно: «Больно нуждаюсь в твоей похвале!» – и скомандовала:

– Пошли, Веруня.

– Ох, и горазда же ты, Ксанка, на фокусы. – Верочка тут

же бросилась за подругой, не переставая восхищаться ее талантом. И словно в ответ на ее слова перед ними выросла грозная фигура Ксанкиной мамы:

– Фокусничаете, значит?!

– Ничего не фокусничаем, – тут же ошетибилась Ксанка.

– Да она ж никого не задела ножиком-то, тетя Ань, – решил вступить за Ксанку кто-то из мальчишек.

– Каким таким ножиком? – испугалась женщина, а Ксанка втянула голову в плечи, съежилась, сгорбилась, даже стала меньше ростом, будто хотела и вовсе исчезнуть как можно быстрее из поля зрения. – Про какие ножики мне тут бормочут? – Анна наклонилась над дочерью, и гордая бесстрашная Ксанка вдруг показалась Верочке такой маленькой и беззащитной, что неожиданно для самой себя она выскочила вперед и залепетала тихо, но довольно уверенно:

– Да вы не слушайте, тетя Аня. Вам тут такого напридумают, что Кондратий хватит. – Про Кондратия Верочка позаимствовала у бабушки и ввернула это выражение очень вовремя и к месту. – С ножиком – это просто соревнования были. Ну, кто точнее кинет. А Ксаночка – она лучше всех справилась. Правда, правда. Даже лучше Мишки, вот. Понимаете, какая у вас дочка? Самая спортивная. Самая меткая!

– Меткая, значит? – как-то нехорошо, ядовито усмехнулась Ксанкина мать и схватила дочь за руку. – Все отцу скажу, так и знай!

И тут Ксанка открыла рот: одними губами она даже не

прошептала, прошелестела:

– Не надо.

Только Верочка смогла разобрать эту мольбу. Разобрала и удивилась. Ксанкин отец был гораздо тише своей базарной жены. Не скандалил и голоса, во всяком случае прилюдно, на дочь не повышал. Когда случалось Ксанке в чем-то провиниться и он становился свидетелем проступка, обращался к дочери тихо и вкрадчиво, даже ласково: «Ксаночка, пойдем домой». И Ксанка покорно шла, повесив голову, опустив плечи, а один раз Верочке показалось, что она услышала, как подруга шмыгнула носом. Верочка удивилась тогда, удивлялась сейчас, удивляться она будет и на следующий день, когда всегда охочая до игр и забав Ксанка не захочет ни кататься на качелях, ни гонять на чьем-нибудь велосипеде, ни играть в колечко.

– Я лучше домой пойду.

– Почему? – изумится Верочка. Подруга всегда любила эту игру. Она была юркая, верткая, всегда успевала выбежать на крыльцо по зову ведущего.

– Говорю, домой надо, – оборвет Ксанка грубо.

– Да она сесть не может, – хохотнет живущий этажом выше Ксанки недотепа Вовка Сирень и тут же схлопочет от нее звонкий подзатыльник. Для пущей остротки Ксанка еще плюнет в его сторону и уйдет. А Верочка останется и будет удивляться, с чего это подруга не может сесть. Впрочем, долго удивляться она не будет. Она тоже любит играть в колеч-

ко. Здесь не надо бегать, прыгать, догонять и прятаться, и в эту игру, в отличие от многих других, ее, толстенюкую, неповоротливую, всегда принимали охотно.

Только через много лет, когда по всему миру прокатится волна судебных разбирательств, связанных с жестоким обращением с детьми, и тема эта начнет активно обсуждаться и в прессе, и дома на кухне, Верочка, услышав во время одного из таких разговоров о том, что за границей и пальцем нельзя ребенка тронуть, иначе на вас сразу донесут и из детского сада, и из школы, и просто с улицы, спросит:

– А откуда узнают?

– Где?

– В детском саду, допустим. Ну, шлепнули вы ребенка легонько, он что же, сразу жаловаться побежит?

– То легонько, а то, знаешь ли, и следы остаются.

Сначала она ужаснется и простоте сказанного, и его смыслу, а потом вдруг сразу вспомнит и хлюпающий нос, и опущенные плечи, и собачью покорность и, наконец, поймет, над чем тогда так бездумно и по-детски жестоко смеялся Вовка Сирень.

Сирень была написана столь искусно, что сложно было побороть желание прижаться к картине и попытаться уловить чудесный запах. Подпись гласила, что это холст и пастель, но ветки казались абсолютно естественными.

«Естественными», – повторила про себя Оксана и вдруг заулыбалась так широко и радостно, как человек, наконец-то нашедший то, что давно искал. Она осторожно вытащила мобильный и так, чтобы не заметили служащие музея, набрала сообщение.

В офисном здании неподалеку от Третьяковки у девушки, сидящей в приемной, пропиликал телефон. Она прочитала сообщение, пожала плечами и направилась в соседний кабинет. Там протянула трубку молодому человеку, ткнула в экран и то ли приказала, то ли попросила:

- Переведи.
- Сирень, – прочитал он.
- Читать я умею. Что это значит?
- Только одно. Мадам срочно понадобилась сирень.
- И где ее взять в это время года? – Девушка зябко поежилась: конец октября, а у них из-за ремонта до сих пор не начали топить. – И с чего ей в голову взбрело? – Она лаконично покрутила пальцем у виска.
- Левитан, – мрачно бросил молодой человек, махнув ру-

кой на окно, за которым виднелось новое здание Третьяковской галереи.

– Что – «Левитан»?

– Она пошла на Левитана, а он рисовал сирень, – последовали исчерпывающие объяснения во избежание вопросов типа «Кто такой Левитан и как он связан с цветами?»

– Где же все-таки ее достать, сирень эту? – раздраженно переспросила секретарь.

– Где достать? – Собеседник усмехнулся, делано закатил глаза и развел руками, желая продемонстрировать полную абсурдность вопроса: – Что за вопрос?! Разве столь приземленные проблемы могут волновать дражайшую Оксану Викторовну? Нет, и еще раз нет. Ей что конкуренты, что вышестоящие, что государство, – все не указ, а уж мы-то с тобой и вовсе до одного места. – Он даже привстал и выразительно похлопал себя по тому самому месту, которое имел в виду. Девушка криво улыбнулась и только вздохнула, молча соглашаясь с каждым произнесенным словом. Спорить тут было не о чем.

Однако несмотря на уверенность молодого человека в собственной правоте, он все же ошибался. Приземленных проблем у Оксаны хватало. Левитан Левитаном, а высокое искусство на хлеб не намажешь. Она бы с удовольствием еще не один час любовалась «Мартом» или «Вечером на Волге», или даже цветами, лепестки которых были так искусно выписаны пастелью, но записи в ежедневнике напоминали о том,

что задерживаться на выставке нельзя. И Оксана с большим сожалением и чувством какой-то глубокой, тоскливой неотвратимости заставила себя вынырнуть из озера сочных, ярких, наполненных жизнью красок и окунуться в безбрежную, унылую, серую, уже почти бесцветную осень.

Дождь, который с утра едва моросил, теперь шел в полную силу. Чертыхаясь, она добежала до машины, перепрыгивая через лужи в своих белых лаковых ботильонах. Оксана любила белый цвет, всегда предпочитала его другим, но теперь не могла не согласиться с тем, что в белой шляпе, белом пальто, с белой сумкой и для контраста красным, небрежно перекинутым, развевающимся от сильного ветра шарфом выглядела скорее нелепо, чем шикарно. Промокшая, испачкавшаяся и жутко недовольная собой, она забралась в свою белую же «Ауди» и с укоризной взглянула на забытый на соседнем сиденье зонт.

– Вечно ты тут валяешься! – упрекнула она его, затем тщательно отряхнула пальто и завела двигатель.

Тронуться сразу не получилось: зазвонил телефон.

– Перезвони через минуту! – недовольно буркнула Оксана в трубку, едва взглянув на дисплей. Она подключила «hands free», выжала газ и рванула с места. – Ну! – гавкнула, когда ей перезвонили.

– Оксана Викторовна, я по поводу сирени, – запищало из трубки.

– Ах да. – Она решила сменить гнев на милость. – Я за-

была сказать: она нужна мне к шести, – и оборвала связь.

– Она нужна ей к шести, – передразнила девушка тон начальницы и с надеждой взглянула на молодого человека: – И что же мне делать?

– Искать, – глубокомысленно изрек юноша и уткнулся в экран компьютера, давая понять, что ничего более конкретного несчастная от него добиться не сможет.

– Но ведь надо найти, – со слезами в голосе проговорила секретарь, старательно упирая на последнее слово в предложении. Но, не дождавшись никакой реакции, поплелась в приемную, заранее предвкушая выговор, или лишение премии, или и то, и другое сразу.

– Надо найти, – в который раз повторяла про себя Оксана, притормаживая и всматриваясь в номера домов. Следовало признать, что, как ни замечательно ориентировалась она в Москве, все же нужно, в конце концов, наступить на горло собственной самонадеянности и приобрести-таки навигатор, чтобы не тратить драгоценное время на поиски неизвестных домов в незнакомых районах. Хорошевку, конечно, никак нельзя было назвать «незнакомым районом», все же половина жизни была прожита здесь. Но если вспомнить о том, что она сбежала отсюда при первой возможности и не показывала носа больше пятнадцати лет, то растерянность, вызванная произошедшими изменениями в облике полузабытых улиц, переставала удивлять. Мосты и эстакады треть-

го кольца, вечно переполненные машинами, заглушали бы-
лую тишину дворов. Высокие современные жилые кварталы
с их пафосным внешним видом и вечной гонкой за всем са-
мым-самым только портили впечатление, нарушали целост-
ность, которая существовала когда-то у улиц, переулков, до-
мов. И... людей. Она никак не могла отнести себя к против-
никам прогресса, тем более что обзавелась и иномаркой, и
хорошей квартирой, и чудесами техники в исполнении кор-
порации «Apple», но невозможность вернуться туда, откуда
когда-то так жаждала вырваться, теперь Оксану почему-то
разочаровала. И ледовый дворец, и окружающие его много-
этажки, безусловно, были построены по необходимости, а не
из прихоти, но вид чистой, ухоженной, охраняемой террито-
рии вместо радости и удовлетворения нагнал щемящую и со-
вершенно неожиданную ностальгию по грязным, заброшен-
ным, никому не нужным пустырям, по которым можно было
носиться, играть в казаки-разбойники, искать сокровища и
просто болтаться без дела, пиная бутылки и горланя песни.
Оксана поймала себя на мысли, что, если человек, к кото-
рому она ехала, окажется жителем новостройки, вытеснив-
шей окрестных детишек с пустырей, она даже не выйдет из
машины: просто проедет мимо и уберется из этого района,
чтобы опять долго не возвращаться. Однако, оказавшись на
нужной улице, она вздохнула с облегчением. Здесь все было,
как раньше: тихие дворы, старые машины, редкие деревья
у лавочек, а на лавочках бабушки в дождевиках, проклиная

ющие погоду, соседей, правительство и саму жизнь, сочувствующие только очередной Мануэле, Алехандре или Кармелите.

Теперь оставалось только отыскать нужный дом. И Оксана медленно передвигалась от таблички к табличке, пытаясь сквозь туман и струи дождя разглядеть необходимый номер. Наконец, он был найден. Она припарковалась и под пристальными и, разумеется, неодобрительными взглядами поклонниц сериалов, снова забыв о зонтике, вбежала в подъезд. Благо, искать его не было необходимости: квартира под номером три должна была находиться именно в первом подъезде. Там она и располагалась. Добротная дверь и чистый, не вытертый коврик перед ней говорили о том, что внутри царит достаток. Оксане это понравилось. В конце концов, люди не настолько глупы, чтобы платить тому, кто их дурит. Подумала так и тут же одернула себя: и глупы, и наивны, и доверчивы сверх всякой меры. Иначе не процветали бы мошенники, лохотронщики и спекулянты. Хотя, с другой стороны, доверчивость эту можно списать и на присущий людям оптимизм и вечную, просто неиссякаемую надежду на светлое будущее. Верит человек в собственную удачу и везение, и разве можно его в этом упрекнуть? Оксане хотелось верить, что дверь и коврик говорят о профессионализме человека, ждущего в квартире, а не о его успехах в надувательстве. Впрочем, рекомендации у этой женщины, последней надежды Оксаны в борьбе с курением, были наидостойней-

шие. Без рекомендаций Оксана давно ни к кому не ходила. Со своей проблемой обращалась уже к нескольким дипломированным и именитым наркологам, к знахарям без свидетельств об образовании, но с огромным опытом, и даже к гипнотизерам. Теперь добралась и до гадалки – так она называла про себя женщину, которая при помощи каких-то экстрасенсорных способностей гарантировала клиентам немедленный и безболезненный отказ от курения. Оксана поехала скорее для проформы, чем по убеждению. Если бы это действительно было возможно, то, исходя из адекватной, отнюдь не заоблачной цены приема, все желающие должны были бы уже давным-давно избавиться от пагубной привычки к никотину, но этого почему-то не происходило. Однако каждый человек, даже скептически настроенный, приходя к подобным людям, все же лелеет надежду на то, что именно ему смогут помочь. Но раз приехала, значит, хоть на секунду, да поверила в реальность обещанного. Она протянула руку к звонку и тут же отдернула: в сумке заверещал телефон.

– Да? – Она ответила, лишь поднявшись выше на пролет. Не хватало еще, чтобы экстрасенша слышала, как клиентка, стоя под дверью, болтает о делах. Она ведь велела Оксане перед сеансом настроиться: выкинуть из головы все дела, не нервничать. А как не нервничать, если фуру вторую неделю трясут на таможне и никак не хотят отпускать?! Такое положение дел всегда не очень приятно, а теперь, после нашу-мевших разборок с крупными мебельными центрами, госу-

дарство вообще не слишком церемонится с владельцами подобного бизнеса. Конечно, Оксанин груз чистый. Ну... или почти чистый. В общем, такой, от которого хорошо и нашим, и вашим: и государство не внакладе, и предприниматель не обеднеет. Понятно, что рано или поздно товар отдадут, только поздно может быть чревато недовольством клиентов и, как следствие, с выплатой штрафов и неустоек. Оксане грозят финансовые убытки, и просить не нервничать в данной ситуации равносильно просьбе о снятии луны с неба. Красиво, образно, поэтично, но невозможно ни при каких обстоятельствах. И потому она тихо, но с железной интонацией произнесла в трубку:

– Я все понимаю. Давить нельзя, требовать нельзя, ругать нельзя. Ничего нельзя, а вы, Сережа, обязаны найти, что можно. И сделать это «можно», чтобы завтра товар пришел на склад. Потому что в противном случае у меня полетят контракты, нарушатся договоры и закапают проценты. Вы согласны разделить со мной убытки?

Она немного отвела трубку от уха, чтобы не слышать возмущенной трескотни директора транспортной компании. Он, дескать, не отвечает за действия таможни и не обязан расплачиваться за царящий на терминалах произвол.

– Я работаю с вашей компанией именно потому, что хочу верить: вы повезете мой товар на тот терминал, где подобные проблемы исключены. И если вы поступаете по-другому, это означает, что вы не оправдали моих надежд. Я плачу своим

клиентам, когда не оправдываю их ожиданий. А вы, Сережа? Как вы обходитесь с вашими?

Трубка задумчиво молчала.

– Сережа, я готова подождать еще сутки, но не больше. Дальше у меня начнутся неприятности и определенно возникнет желание возложить на кого-то ответственность за происходящее. А поскольку на наше государство где сядешь, там и слезешь, то, как ни крути, отвечать придется вам.

– Это по понятиям? – не сдержала трубка сарказма.

– Это, Сережа, по справедливости. Завтра товар должен быть на складе, иначе мы с вами по миру пойдем, других вариантов нет, – жестко и уже довольно громко, забыв, где находится, подытожила Оксана и подчеркнуто мягкое, почти фамильярное «Сережа», и долгие, пространные объяснения. Она всегда руководствовалась методом кнута и пряника в отношениях с людьми и, как правило, добивалась, чего хотела. Директор же транспортной компании, безусловно, был в более сложном положении. Понукать работников таможен могло оказаться делом неблагодарным, рисковать он не собирался, а следовательно, вероятность того, что из одних просьб, увещеваний и реверансов ничего не выйдет, оставалась слишком высокой. Но думать о проблемах transportников Оксана больше не собиралась. Дали человеку задание и время на его исполнение – пусть работает, а у нее своих дел хватает. И одно из них сейчас находилось буквально в шестнадцати ступеньках. «Раз, два, три» – процокали вниз

каблочки, и женщина решительно нажала на кнопку звонка.

Оксана ожидала, что дверь ей распахнет некто, исполняющий роль помощника или консультанта по общим вопросам. Должен же быть кто-то, настраивающий посетителей на общение с оккультными науками. В общем, она была уверена, что встретит ее человек, смахивающий на ее собственную секретаршу. Возможно, не такой глупенький, но столь же исполнительный. Да, и, конечно же, никаких мини-юбок, высоких каблучков или, не дай бог, джинсов по пятницам. Тут уместно платье или темная юбка в пол, шаль, закрывающая плечи, косметика, придающая таинственность, а не яркость, и глухой, торжественный голос, и протяжные интонации, усиливающие важность момента. Да, и в руках обязательно либо какой-то прозрачный шар, заполненный жидкостью неизвестного происхождения, либо кадило, либо веер. Что-то непременно должно было быть.

У женщины, распахнувшей перед Оксаной дверь, в руках не было ничего. И говорила она чисто, четко и звонко:

– Вы Оксана?

– Да.

– Проходите. – И впустила гостью в прихожую, которая не имела ничего общего с тем образом, что сложился в Оксаниной голове. Никакого полумрака, ни единого гобелена или штор, ни намека на амулеты, символы, диковинные статуэтки или куклы вуду. Не звучало этнической музыки, обязательное наличие которой то ли нарисовало воображение Ок-

саны, то ли память воссоздала сюжет, увиденный в каком-то фильме, а возможно, и не в одном. Коридор не имел никаких особенностей, которые позволили бы догадаться о роде занятий хозяйки квартиры. Обычный шкаф-купе, куда обладательница звонкого сопрано повесила Оксанино уже не безукоризненно белое пальто, занимал пару метров стены, оклеенной обоями светло-бежевого, спокойного тона. Пол был устлан недорогим ламинатом – такие «украшают» обычно квартиры людей со средним достатком. В нише у шкафа стоял небольшой столик: телефон, связка ключей, записная книжка, пара перчаток – именно тот беспорядок, который может позволить себе человек, пристально следящий за тем, чтобы каждая вещь неизменно находилась на своем месте. На противоположной стене висело несколько фотографий: никаких знаменитостей, пользующихся услугами хозяйки, – природа в черно-белом варианте, которая, даже после Левитана, не могла Оксане не понравиться: сдержанный стиль, четкие линии, ясность кадров, бесспорно, свидетельствовали о наличии вкуса у человека, повесившего эти панно в своей квартире. Нашлось в небольшой прихожей место и еще нескольким предметам: простому однотонному пуфику без витых ножек и замысловатой обивки; стойке для зонтов и газетнице, где, к удивлению Оксаны, вместо книг по хиромантии, экстрасенсорике или хотя бы по психологии лежала куча газет «Коммерсант» и «Moscow Times». В общем, обстановка свидетельствовала, что квартира принадлежит челове-

ку практичному, достаточно консервативному, крепко стоящему на земле обеими ногами, который интересуется реальной жизнью, а не мистическо-магическим коктейлем.

Женщина, терпеливо ожидавшая, пока посетительница осмотрит и оценит сначала помещение, а потом свое отражение в зеркале, провела ее в такую же непримечательную гостиную: два кресла и диван оттенка кофе с молоком, торшер с абажуром такого же цвета, небольшой шкаф, заполненный видеодисками, телевизор и DVD-проигрыватель, несколько ваз, этажерка с книгами, фотографии в уже знакомом черно-белом исполнении.

– Вы не подождете несколько минут? – Женщина поинтересовалась с такой интонацией, будто гостя и в самом деле могла вдруг отказаться и уйти.

– Конечно. – Оксана опустилась в кресло с полным пониманием ситуации: помощница отправилась докладывать руководству о прибытии клиента и по получении разрешения проводит ее в кабинет, в котором, без сомнения, обнаружатся все необходимые атрибуты спиритических сеансов и загадочного колдовства. Наверняка незамысловатый антураж помещений – обычный психологический трюк: человек должен расслабиться перед сеансом. Незнакомая обстановка зачастую может вывести из равновесия, заставить нервничать, лишить необходимого доверия. Сидя же в ничем непримечательном кресле в самой обыкновенной комнате, легче успокоиться, собраться с мыслями и окончательно убедить себя

в том, что пришел именно туда, куда надо. А иначе почему здесь все так знакомо, так обыденно, так ненавязчиво и непретенциозно? Зато потом, когда человек наконец попадает в кабинет и оказывается в совершенно иной атмосфере, доселе не виденной (ароматические палочки, задернутые тяжелые шторы, амулеты и обереги), он в то же мгновение понимает: его допустили в святая святых к магу, волшебнику, целителю, лекарю, экстрасенсу... ясно... теле и т. д., который, конечно же, не останется равнодушным к его проблемам и если и не решит их окончательно, то постарается это сделать.

В коридоре слышались мягкие шаги. Оксана вспомнила, что на помощнице экстрасенса были тапочки. «Я бы все-таки обула секретаря в туфли, хотя, возможно, это очередная уловка для создания домашней атмосферы». Шаги приближались, и Оксана не без волнения привстала с кресла. Все же с каким бы скептицизмом ни относилась она к существованию чего-то потустороннего и ирреального, оставаться совершенно беспристрастной в преддверии столкновения с ним она не могла. Женщина вошла в гостиную, то ли надев, то ли так и не сняв с лица мягкую, дружелюбную улыбку. Оксана сделала движение по направлению к двери, но «секретарь», не уловив ее порыва, села в кресло напротив, сделала жест рукой, приглашая Оксану занять прежнее место, и сказала:

— Итак, я вас слушаю.

— ...

– Ну, смелее. Здесь все немного робеют, но, уверяю вас: бояться нечего.

– Э-э-э...

– Вы Оксана? – Женщина с сомнением взглянула на растерянную собеседницу, и та поспешила подтвердить:

– Да-да, это я.

– Прекрасно, так я вас слушаю.

Оксана была несколько разочарована:

– Вы Татьяна?

– Да.

– Экстрасенс?

– Ну, какой из меня экстра, если вы меня не узнали, а я ничего не почувствовала? – рассмеялась женщина и, видя замешательство Оксаны, добавила: – Но кое-что я все же умею. Итак... – Она подперла подбородок кулачком и приготовилась слушать.

– Я хочу бросить курить, и мне посоветовали...

– Не хотите, – резко и категорично.

– Что, простите?

– Если бы хотели, давно бы бросили. Я не настолько сильна, чтобы заставить человека чего-то захотеть. Тому, кто пришел осознанно, уже с желанием, я могу помочь и ослабить физическую тягу к никотину. Но влезть в голову и внушить отсутствие психической потребности я, увы, не способна. Вы ведь ко мне не к первой пришли?

– Нет.

– О чем я и говорю. Если человек испробовал тысячу и один способ и ни один не помог, то вероятность того, что подействует тысяча второй, ничтожно мала. Некоторые решают отказаться от курения, выбрасывают начатую пачку и больше никогда к этому не возвращаются без всяких жвачек, пластырей и гипнозов. А другие жуют, клеят и экспериментируют с собственным сознанием, оставаясь ни с чем. Почему?

– Просто у первых есть сила воли.

– Самая распространенная и ошибочная версия. Единственное, чем обладают первые в отличие от вторых, – это истинное желание.

– Зачем же вторые ходят по врачам и целителям, если на самом деле ничего не хотят?

– Потому что они думают, что хотят. Они несколько в этом не сомневаются. Они обращаются за помощью сознательно.

– Я не понимаю... – Оксана уже осознала, что избавиться от пачки Vogue в сумочке в ближайшее время ей не удастся, но почему-то не спешила вырваться из мягкого плена кресла и откланяться. Во-первых, Татьяна ее заинтриговала, а во-вторых, оплаченное клиентом время должно быть потрачено на него, и Оксана если и не мечтала на самом деле бросить курить, то извлечь что-либо полезное из этой встречи точно не отказалась бы.

– Люди слышат свое сознание, и мало кому приходит в

голову прислушаться к подсознательному.

— А что у меня в подсознании кроме того, что я не хочу избавляться от курения? — Оксана скорее съехидничала, чем поинтересовалась. «Сознательное — бессознательное, тоже мне, Кант-самоучка!»

Женщина пристально посмотрела на нее, перестала улыбаться, ответила жестко, но без укора:

— У вас везде: и на уме, и на сердце, и в сознании, и вне его — одна власть. Только от власти этой лишь несчастья.

Власть Оксана любила. И не видела в ней для себя ровным счетом никаких минусов, не говоря уж о несчастьях. Разве недостаток и уверенность в завтрашнем дне могли не радовать? Впрочем, истинное удовольствие доставляла Оксане не только материальная сторона вопроса. Ей нравилась боязнь подчиненных, преклонение равных и уважение вышестоящих. Власть эта была выстраданной, заслуженной и желанной в каждой клеточке ее тела и души. Иначе стала бы она вешать в своем кабинете высказывание историка Ключевского: «Характер — власть над самим собой. Талант — власть над другими». Конечно, Оксана не была знатоком истории и философии. Да что там знатоком? Она и любителем не была. Познания ограничивались туманными воспоминаниями из пройденной мимоходом школьной программы, и авторами всех знакомых строк на всякий случай определяла она вовсе не историков и не критиков, а поэтов: Пушкина или Лермонтова. Чаще всего она не обременяла себя тягостны-

ми раздумьями о пробелах в образовании. В конце концов, поэты не были знатоками коммерции, но это им нисколько не мешало творить. Почему же на ее успехи в торговле должна каким-то образом влиять классическая литература? В общем, на успехи она действительно не влияла, скорее на ощущение собственного совершенства. Если один из знакомых на каком-нибудь фуршете или презентации неожиданно говорил: «А помните, как у Фета (Анненского, Тютчева, Бальмонта)?», – и все окружающие дружно кивали и улыбались. А Оксана? Нет, она тоже кивала. Можно ведь и не быть, а просто казаться милой, доброй, образованной – всякой. «Молчи – за умную сойдешь» – этому чудодейственному рецепту, услышанному в детстве от кого-то из взрослых, она следовала до сих пор. И снадобье работало. Оксана молчала, мысленно обещая себе не только покупать книги в свою библиотеку, но и, наконец, читать их. Да и выбирать не только по цвету обложки, формату и золотому тиснению на корешках, но и по смыслу. До дела, однако, никогда не доходило. Ей, циничной и заранее скептически настроенной ко всему окружающему, спустя несколько минут самобичевания всегда удавалось убедить себя в том, что большинство из присутствующих на мероприятии, скорее всего, ничем не отличались от нее самой: кивали по необходимости, дабы не прослыть митрофанушками среди эрудитов. Однако эрудитов на свете, к сожалению, а может, и к чему другому, гораздо меньше, чем недорослей, поэтому повода считать себя

белой вороной у Оксаны не было. Так что она успокаивалась и откладывала самообразование в долгий ящик. Но иногда у нее все же возникало желание пустить пыль в глаза. Тогда на помощь приходила всемирная паутина, в которой Оксана, как заправский паук, всегда могла отыскать самых мелких, но очень нужных мошек. Строки о власти были как раз одним из таких удачных уловов. Она нашла их после того, как услышала по радио утверждение кого-то из древних философов (фамилию она, конечно, не запомнила. «А зачем?») о том, что каждый власть имущий должен иметь четкое представление о том, что для него власть и как он ею собирается распоряжаться. Оксана владела, распоряжалась и представляла. Власть она считала талантом, которым обладала без всякой меры. И в ее представлении это обладание никак не могло принести несчастье. Поэтому она едва не расхохоталась в ответ на слова «так называемого» экстрасенса.

– Несчастья? – переспросила она. Брови недоверчиво поползли вверх, уголки рта – вниз.

– Да, – уверенно повторила женщина и, не сводя с гостьи пристального взгляда, добавила: – В отношениях.

У Оксаны засосало под ложечкой. Неожиданно кольнуло догадкой:

– В любви?

– В любви? – теперь пришла очередь удивляться экстрасенсу. – Нет, любви я никакой не вижу.

– Как не видите? – Оксана сначала оторопела, но тут же

успокоилась: значит, брехня все эти рассказы. Эта женщина вообще ничего не видит и не знает. Складно байки рассказывает, да и только. А Оксана сидит, уши развесила, крючок закусил и висит на нем, хотя давно пора выплюнуть и убираться отсюда. И время потеряла, и деньги. Вот и отличный урок будет: нечего надеяться на то, что лично тебя лохотрон обойдет стороной.

– Не вижу любви, – тем временем задумчиво повторила «экстрасенша». – Человека вижу, а любви нет. Не было ее пока.

– Как же не было? – вступила Оксана в дискуссию (упоминание о человеке ее задело). – А человек? Он ведь для меня...

– Это пустое. Несерьезно все. Мираж, иллюзия, да и только.

– Как же мираж, если столько лет?! – Оксана задохнулась от возмущения.

– А что, мираж, по-вашему, – это пф, ничто, секунда, мгновение? Ошибаетесь. Миражи могут длиться вечно.

– Я вам не верю, – произнесла Оксана, интуитивно защищаясь недоверием от провидения.

– Я знаю. Вы только себе верите. И еще своим обманчивым желаниям, которые вам напридумывала жажда власти. А потому к хорошему они привести не могут.

– Это почему же? – Оксана продолжала спрашивать, хотя ей казалось, что она знает ответ.

– Их исполнение не приносит удовлетворения.

– Не приносит, – эхом повторила Оксана.

Мишка торопливо одевался, стараясь не смотреть на Ксанку, бесстыдно раскинувшуюся на мягких, грязных простынях. Она же не сводила с него глаз: сначала томных, потом изумленно-разочарованных, а затем наполненных неприкрытой злостью и раздражением.

– Прибежишь домой – портки смени, – процедила сквозь зубы. – Хотя от чего натворил уже не открестишься и не отмоешься, – захохотала грубым, деланным смехом.

– Прикройся, – буркнул Мишка, натягивая футболку, и так и выскочил в коридор, ни разу не взглянув на Ксанку.

А она все смеялась истерическим, безудержным хохотом, который после громкого хлопка входной двери неожиданно сменился жалобным и совсем не громким плачем.

– Не приносит, – повторила Оксана.

– И не принесет, – эхом отозвалась сидящая напротив женщина, смотрящая в глаза и заглядывающая в душу.

– Что же мне делать?

– Только то, чего вы хотите на самом деле.

– А чего я хочу?

– Не знаю.

– Как же так? – Оксана не могла поверить тому, что ее бросают на полпути.

– Этого никто не знает, кроме вас.

– А я знаю?

– Конечно, – уверенно кивнула Татьяна.

Через пять минут Оксана покинула обычную квартиру необычной женщины. Она остановилась за дверью и озадаченно протянула: «Я знаю, что ничего не знаю», не имея ни малейшего представления о том, что потерянная, разбитая и практически вывернутая наизнанку, не прочитавшая к тому же в своей жизни ни одного философского трактата, она повторила сейчас слова великого мудреца⁹.

⁹ Изречение принадлежит Сократу.

– Такой тон подойдет? – Голос гримера донесся до Дины откуда-то издалека. Жирафу все-таки удалось воспарить, но остальные его выкрутасы подернулись пеленой сна. Давно ей не случалось отключаться в то время, как пушистые кисточки и ватные кружки щекочат лицо. Но усталость и нервное напряжение сделали свое дело: организм израсходовал все запасы энергии и теперь использовал любую возможность для того, чтобы их восстановить. Дина с трудом разлепила веки и взглянула в зеркало. Надо отдать гримерше должное: лицо в зеркале выглядит матово-ровным, безукоризненным.

– Сколько сейчас времени? – Дина взглянула на часы: без десяти пять. Выход не раньше семи, значит, ничто не мешает позволить себе маленькую вольность. – Вы не могли бы оставить меня минут на пятнадцать? – попросила она девушку, не решаясь обратиться к ней по имени. Память подсказывала, что вроде бы она была Оленькой, но никаких гарантий в неопровержимости этой подсказки у все еще сонной Дины не было. Она подкупающе улыбнулась удивленной девушке: виданное ли дело прерывать грим? – Идите, выпейте кофейку и возвращайтесь.

Как только дверь за обескураженной Оленькой, или «как ее там», закрылась, Дина быстро вытащила из сумки сверток, развернула фольгу, понюхала и через мгновение уже с насла-

ждением жевала бутерброд с колбасой. Конечно, времена, когда за подобный проступок она могла заслужить порицание или даже наказание, давно прошли. Но внушаемое с детства требование к худобе и полному исключению подобных вредных продуктов из рациона пустило настолько сильные корни в привычках Дины, что до сих пор не могла она позволить себе спокойно съесть кусок торта или отбивную, или тот же бутерброд с колбасой. Она по-прежнему торопилась, пачкалась, глотала, не жуя, будто все еще могла не успеть, поперхнуться от неожиданно распахнутой двери в кладовку, туалет или в любое другое укромное местечко и съежиться от грозного окрика куратора:

– Елисеева! Опять? Полтора часа у станка без разговора! Ты будущая балерина или кто? Балерины не жрут, а клюют, ясно тебе? Зерно жуй, если жрать охота. Сидит тут, трескает, и откуда только берет?! Ну! Что реवेशь? Сама виновата! Давай, вылезай отсюда. – И сопроводив свою речь оглушительным шлепком или оплеухой, куратор тащила провинившуюся девочку в класс сбрасывать «набранные килограммы».

Несправедливость с точки зрения ученицы была вопиющей. Существовали весы и правила: взвешиваться раз в неделю. Дина никогда не выходила за рамки принятых балетных норм. Ей повезло: тонкая, узкокостная, легкая, она могла есть сколько угодно, не беспокоясь о последствиях, – все сгорало, не оставляя ни одной жировой складочки. В Свердловске никому не приходило в голову устанавливать для нее

какие-либо ограничения. Она не привыкла к диетам. Самым трудным в Москве оказалась вовсе не незнакомая жизнь в интернате при балетном училище, не постоянное соперничество с одноклассницами, не многочасовые занятия и репетиции в танцклассе, а отравляющее все на свете чувство вечного голода. Отварная рыба с увядшим кусочком огурца вызывала тошноту, а каждодневная гречка – отвращение. За питанием воспитанников следили так тщательно, что дети в полной мере способны были осознать, какие муки испытывали в свое время узники блокадного Ленинграда, получая продукты по карточкам. Строгая норма – и ни грамма больше. Все посылки из дома тщательно проверялись, шоколадки, варенье, печенье конфисковывались, и вместо них адресат получал лекцию о неискоренимом вреде сладкого и мучного. Небольших денег, которые присылали родные, конечно, никто не отбирал, но можно ли их потратить на съестное, если по одному из интерната не выпускали, а уверенности в том, что закадычная подружка не донесет на тебя из-за купленного в булочной рогалика, не было никакой?

Дина, правда, вытащила лотерейный билет: бутерброды тайком приносил ей сторож «в благодарность от своей бабки (жены)», которая избавилась от мучительной боли в ногах благодаря совету девочки. Дина как-то мимоходом услышала, как сторож, вздыхая, жаловался уборщице, неповоротливой, пышной тете Дуне, начинавшей задыхаться каждый раз, когда разгибалась, вынимая тряпку из ведра, что дела у его

жены совсем плохи. «Боюсь, как бы совсем вставать не перестала. Что тогда делать будем? Ходить за ней некому. А мне дома осесть – так и жить не на что». Девочка, подавив природную скромность и решив, что в данном случае ее вмешательство в разговор взрослых лишним не будет, сказала:

– У нашей соседки в Свердловске что-то было с ногами, я точно не знаю, но помню, что ничего не помогало. Врачи за голову хватались, а потом бабушка какой-то отвар сделала, тетя Шура попила его совсем недолго, и как новенькая стала.

– Кончай байки травить! Иди, куда шла! Твое дело ногами махать, а не языком молоть, – тут же окрысилась уборщица.

Девочке не надо было повторять дважды, она только подумала, что бабушкин завет никому не рассказывать об ее умениях был совершенно бесполезным, поскольку умения эти не вызывали никакого интереса. Однако сторож ее окликнул:

– Погоди, а что за отвар-то?

– Не знаю, но могу бабушке написать. Если ее попросить, она даст рецепт. – Дина была уверена: бабушка, может, и пожурит внучку за длинный язык, но больному человеку поможет.

– Ты напиши, дочка, ладно? Уж сил никаких нет, как она мается, бедняжка, Зоя Тимофеевна моя. Письмо-то я могу сам на почту отнести, чтобы побыстрее, чтоб самолетом доставили.

Через десять дней сторож получил рецепт чудодейственного отвара, а еще через пятнадцать Дину пригласили в гости

на восхитительные пирожки воспрявшей и духом, и телом Зои Тимофеевны. И после этого визита, во время которого Дина не могла оторвать рук от еды, а исцелившаяся женщина – глаз от голодной девочки, пироги, бутерброды и шоколадки стали перепадать ей регулярно. Страдания Дины на какое-то время прекратились, теперь приходилось только искать укромные углы и все время страшиться быть пойманной и наказанной.

Откусывая очередной ломоть хлеба, девочка всегда с гордостью и благодарностью думала о бабушке и ее снадобьях, которые любого возвращали к жизни. Дина была уверена в том, что если бы мама осталась дома, то бабушка ее обязательно бы выходила. Однако бабушке не удалось спасти ни свою дочь, ни себя. Она умерла в одночасье через год с небольшим после Дининого отъезда в Москву. Оторвавшийся тромб похоронил не только бабушку, но и ее талант, и умение врачевать, которое обещала она «когда-нибудь, когда придет время» передать внучке. Время оказалось жестоким к планам, достался Дине только тот рецепт, которым поставила бабушка на ноги «соседку». Отец девочки вскоре засобирался к родственникам на Украину и, разумеется, уезжая, советский инженер, член партии и атеист, без всякого зазрения совести совершенно спокойно выкинул тетрадки скончавшейся тещи. По прошествии лет Дина иногда рассказывала знакомым об этой утрате. Те, как правило, реагировали одинаково:

– Хорошо, что для ног сохранилось. Ты же балерина. Остальное неважно.

Дина дежурно улыбалась в ответ, и собеседники считали, что нашли правильные слова – достойное утешение. Пусть так. Зачем им знать, что у балерины есть еще руки, поясница, лопатки, шея? Необязательно. Пусть пребывают в приятном заблуждении и завидуют обладательницам пачек, пуантов и зрительской любви.

Вскоре после смерти бабушки произошла в жизни Дины и еще одна потеря: старого сторожа «ушли» на пенсию, и они с женой и ее восхитительной стряпней съехались с дочерью и оказались в Зеленограде, откуда, увлеченные заботами о собственных внуках, возить за тридевять земель лакомства чужой девочке перестали. Конечно, то, что сравнивается потеря бабушки и колбасы, на первый взгляд может показаться и глупым и даже кощунственным. Но когда тебе всего десять лет, то радости жизни и отсутствие полного ее понимания довольно быстро заживляют горестные шрамы, которые, к сожалению, не могут не открыться и не начать кровоточить по прошествии лет. К тому же физические потребности человека не перестали и вряд ли когда-нибудь перестанут превалировать над духовными. Животное происхождение не стереть ластиком и не искоренить из сознания. Сонеты Шекспира не намажешь на хлеб, а симфониями Баха не укроешься от холода. Поэтому если человеку нечего есть и негде жить, переживать, плакать и сокрушаться больше все-

го он станет именно по этому поводу. Так что и мысли маленькой девочки, измученной изнурительными занятиями и постоянными, ноющими болями в желудке, и ее мечты о толстом куске хлеба с маслом не были удивительными. Конечно, высоты во многих областях деятельности, будь то искусство, спорт или наука, достигаются путем многолетних лишений и самоограничений. И на вершине оказываются, как правило, люди, действительно заслужившие это право, фанаты своего дела. Спортом занимаются миллионы – олимпийскими чемпионами становятся единицы. Да и танцовщиц кордебалета намного больше, чем прима-балерин. Возможно даже, что многим из них удалось стать первыми и благодаря строгости, а иногда и жестокости тренера или педагога. Повзрослев, Дина не смогла бы однозначно ответить на вопрос, была ли так уж неправильна та строгая диета. И, кто знает, не стал ли именно тот голодный год в интернате причиной, навсегда освободившей ее от формирования хоть каких-то, даже самых незначительных жировых отложений. Однако эта истина открылась ей намного позже, а тогда ничто не мешало девочке грезить о вредном, жирном и удивительно вкусном и иногда мечтать об этом даже больше, чем о сцене.

Судьба или кто-то свыше решил, наконец, обратить внимание на девочку, так рано потерявшую самых близких людей, но к одиннадцати годам она получила подарок в виде семьи и московской прописки. У женщины, с которой познакомился отец на Украине и на которой вскоре женился, жи-

ла в Москве двоюродная сестра. Была она добросердечной, образованной и счастливо замужней больше двадцати лет, и если о чем в жизни жалела, то только об отсутствии детей. Дина пришла в гости, а осталась там насовсем. Но так и не смогла побороть в себе привычку тайком по ночам открывать холодильник и съедать лишний кусочек. Нет, ее никто не ограничивал в еде. Напротив, эти милые люди, которым юная балерина казалась чересчур худой, будто прозрачной («Живот к спине прилип», – часто сокрушались они), всегда норовили положить ей в тарелку кусочек побольше, послаще и покрасивее, но она так и не сумела убедить себя в том, что в лишней крохе хлеба и грамме мяса нет ничего постыдного, и уверенности, что есть их можно только в полном одиночестве, соблюдая строжайшую тайну.

– Жуешь? – Марк без стука заглянул в дверь.

Она кивнула с набитым ртом. Марк был одним из немногих, кому разрешалось становиться свидетелем Дининых маленьких вольностей.

– Вот, – он протянул ей листок, – посмотри рассадку.

Дина поморщилась и отмахнулась от него бутербродом:

– Маркуш, ты и без меня все сделаешь правильно. Первый раз, что ли?

– Вообще-то, в первый. – Администратор сделал многозначительный жест рукой, указав на потолок и стены.

– Я не про Большой, я про рассадку.

Она смахнула с губ крошки, стрельнула глазами в зерка-

ло: не осталось ли следов, потом неопределенно пожала плечами:

– Я все равно никого не знаю. Это все твои нужные люди.

– Ты что, никого не приглашала?

– По контрамаркам нет. Родным я отправила билеты, так что меня совершенно не волнует, какая шишка сядет в пятом ряду, а какая в третьем. Тебе виднее. Что ты на меня так смотришь? – Дина нахмурилась. Не следовало говорить слишком много. Марк совсем не глуп и не упустит из виду ее «по контрамаркам нет». Конечно, гордость ему ни за что не позволит спросить напрямую: «А не по контрамаркам», но хитрость и любопытство сделают все, чтобы попытаться выведать ответ на этот вопрос. И точно:

– Странно, – протянул он, не сводя с Дины пристального взгляда. – Все же такое событие, а ты никого не приглашаешь... Я думал, ты тщеславна.

– В меру, Маркуша, в меру.

– Неужели? – Усмешка не лишена ехидства.

Прав, Марк, тысячу раз прав. Тщеславна она без всякой меры, и ему ли о том не знать.

– Деточка, тут не Москва, а вы не группа «Ласковый май», чтобы собирать стадионы. И не надо меня учить, как заинтересовывать массы. Я был профессионалом уже тогда, когда вы пешком под стол ходили. Ваша фамилия Плисецкая? Или, может быть, на худой конец, Ананишвили? Нет? Ели-

сеева? Что-то я такую не слышал. А коли так, место ваше – четвертый лебедь во втором ряду. И скажите спасибо, что это первый состав. – Директор Новосибирского музыкального театра хлопнул рукой по столу и сделал вид, что тщательно изучает чистый лист бумаги, лежащий перед ним на столе. Дина поняла, что аудиенция окончена, но все же сделала последнюю попытку:

– Но в Большом я репетировала Одетту и уже танцевала Жизель.

– Да? Тогда почему же вы здесь?

Она подавила вспышку гнева: договориться было необходимо. Если смену театра еще можно пережить, но из прим в кордебалет – это уж слишком.

– Послушайте, Лев Андреевич, на просмотре меня хвалили. Да неужели вы не видите, что я действительно танцую лучше, чем...

Директор побагровел, вскочил и, указав пальцем на дверь, завизжал:

– Вон! Четвертая во втором, и чтобы я тебя больше не слышал!

Дина не испугалась и не расплакалась. Она растерялась и, в недоумении посмотрев на все еще красного и пышущего злостью человека, вышла из кабинета, так и не поняв, чем же так его рассердила. Знающие люди быстро ей объяснили что к чему:

– Надо же! – искренне изумилась Дининой неосведомлен-

ности костюмерша Людочка, выдавая ей лебединую пачку: – Вроде балетная, а такая наивная. Ты точно из Москвы, а не с луны?

– Да в чем дело-то?

– Думаешь, главные партии дают самым талантливым и трудолюбивым? – Девушка копалась в сундуках с костюмами, голова была низко опущена, поэтому голос ее звучал как-то особенно глухо и зловеще.

– А что, нет? – Дина искренне удивилась. Нет, конечно, она не была столь глупа, чтобы не думать и не знать о связях и блате, но ее педагог в Большом любила повторять, что «таланту надо помогать, а бездарности пробьются сами», поэтому – то ли в силу возраста, то ли в силу былых удач – она никак не могла предположить, что блистать на сцене может тот, кто этого совсем не заслуживает.

– Шутишь? – Людочка нахмурилась. Она была бойкая, языкаястая, охочая до сплетен, но не до откровенного вранья. Лгунов и притворщиков не любила.

– Да нет же!

– Ладно, – Людочка вынырнула из вороха перьев и кружев, – слушай сюда! Наша «звезда», фамилию которой ты – идиотка – вздумала обозначить, возможно, и не умеет задиравать такие арабески, как ты, и количеством фуэте не богата. Зато у нее благосклонность имеется, знаешь кого?

– Кого? – Дина спросила механически. Разговор стал омерзительным, и не надо было его продолжать, но разве

удержишь сорвавшийся с поводка длинный язычок, который уже тараторил без умолку:

– Ой, то ли мэра, то ли его зама, я точно не знаю, но, говорят, какого-то супер-пупер випа. А супер-пупер вип – это знаешь что?

– Не знаю и... – «Знать не хочу» Дина добавить не успела: трещотка неслась на предельной скорости, отпустив последние тормоза:

– Это, моя милая, денежки. Денежки и еще раз денежки. Думаешь, пустому театру без аншлагов они не нужны?

– А зачем вообще нужны театры без аншлагов и зачем нужен директор, который не может эти аншлаги обеспечить?

– Так чего ему штаны рвать, если денежки и так капают? На рекламу тратиться, на распространителей... Куда лучше себе в карман, разве нет?

– Нет.

– Ну, было бы нет, если бы мы были именитым театром, а мы так, один из.

– А почему бы этому вашему покровителю не пристроить свою протеже туда, в какой-нибудь «именитый театр»?

– Я думала, ты – наивная, а ты – просто дура. Думаешь, у танцующих там своих покровителей нет? Есть, да покруче, чем какой-то там мэр.

Дина вздохнула. Она решительно отказывалась продолжать эту беседу. Однако при всей омерзительности сказанного становилось понятно, почему в более именитых театрах

ее не то что просматривать – даже разговаривать с ней не стали. Где-то, потупив глаза, щебетали об отсутствии мест в трупке, где-то просто отмахивались, как от назойливой мухи, где-то откровенно поднимали на смех:

– Откуда? Из Большого? Ну, в таком случае у нас тут «Ла Скала», милости просим.

– Но я правда из Москвы.

– Слушай, шла бы ты. – Что ж, достаточно конкретно.

После нескольких самостоятельных попыток устроиться Дина все же преодолела стыд и страх и позвонила своему московскому педагогу, которая две недели назад кричала ей, что «больше ничего, решительно ничего не хочет слышать о человеке, собственными руками роющем могилу своему таланту». Конечно, она произнесла это в сердцах, и то после нескольких часов бесполезных просьб, увещаний, внушений и отповедей, во время которых Дина то краснела, то бледнела, то покрывалась холодным потом, то вдруг чувствовала непреодолимый жар, но оставалась непреклонной и только время от времени повторяла, как механическая игрушка, одно и то же:

– Я должна уехать.

– Ну, и уезжай, – таков был вердикт обессиленного от упрямства ученицы учителя.

Она так и сделала, а теперь звонила, чтобы, наступив на горло собственной гордости, все же попросить о помощи.

– Возвращайся, и дело с концом, – тут же сказала педагог,

ни намеком ее не упрекнув. – Конечно, вместо тебя уже ввелись другие, но мы что-нибудь придумаем. Таланту всегда найдется место.

«Вашими бы устами. В Новосибирске почему-то не нашлось». Этого Дина, конечно, не сказала, произнесла другое, уже и сказанное, и услышанное, и пережитое:

– Мне нужно устроиться здесь. – Дина приготовилась к новой атаке из уговоров, угроз и нравоучений, которых, однако, не последовало. После затяжной паузы и тяжелого вздоха старый опытный педагог лишь спросила:

– Очень нужно?

– Очень.

– А не пожалеешь?

– Поживем – увидим.

– Ладно, твоя жизнь. Сделаю, что смогу, но многого не обещаю.

– Спасибо.

– Так и не скажешь, почему сорвалась?

– Нет.

На знаменитый Театр оперы и балета даже у заслуженного столичного хореографа управы не нашлось: Дину направили в один из многих не слишком больших музыкальных театров, где место ей определилось довольно быстро: четвертая во втором ряду.

«Четвертая во втором», – мысленно терзала она себя, чередуя батманы с арабесками и счастливо улыбаясь полупу-

стому залу. «Четвертая во втором», – заливалась тихими слезами, пробуждаясь ото сна, в котором по-прежнему танцевала соло у волшебного озера Чайковского. «Четвертая во втором», – усмехалась она в ответ на никчемные уверения мужа в том, что она «самая-самая, распрекрасная, драгоценная, талантливая, непревзойденная, лучшая на свете балерина». «Четвертая во втором», – вздыхала, проходя по главной площади и останавливаясь у одного из самых известных в городе зданий.

Да, Театр оперы и балета был не только общепризнанным символом Новосибирска, но теперь и предметом Дининых грез и мечтаний. Казалось, что, попади она сюда, боль от потери Большого стала бы не столь значительной, не такой тянущей, изнуряющей, не дающей избавиться от сомнений в правильности сделанного выбора. Возможно, Дина не была так уж не права. Новосибирская опера, по сути, походила на Большой величием и размахом, а внешне даже превосходила. Это крупнейшее в России театральное здание казалось ей родным чистотой и строгостью форм, четкостью линий, легкими козырьками над балконами, внушительными колоннами, так напоминавшими колонны Большого. И только огромный купол всякий раз заставлял опомниться и снова поверить в то, что она находится в тысячах километров от столицы. Желание Дины оказаться в труппе этого театра, каждый день входить в эти двери со служебного входа было какое-то время настолько сильным, что даже сам архитектурный об-

лик здания, этакий модернизм двадцатых годов двадцатого века, очень долго казался ей самым прекрасным, самым достойным, самым красивым. Именно так, с ее точки зрения, должны были выглядеть лучшие театры мира. И только годы спустя, когда слова «милости просим в «Ла Скала» прозвучали для нее не издевательством директора захудалого театра, а вполне серьезным и радушным приглашением и в Милан, и в Вену, и в Париж, Дина поняла, какая огромная разница существует между зданиями, которые поражают и подавляют своими размерами, и теми, от облика которых захватывает дух, сердце начинает биться быстрее, на лице возникает улыбка, а в сознании – огромная радость и благодарность судьбе за то, что тебе посчастливилось увидеть все это.

А пока она старалась обходить стороной главную площадь Новосибирска, дабы избавить себя от и без того достаточных душевных терзаний, и оставалась танцовщицей кордебалета, теряя форму и уверенность в себе, оплакивая свое бесполезное и никому не нужное творчество. Неизвестно сколько времени такое положение вещей оставалось бы неизменным, если бы через год после переезда в Новосибирск на ее жизненном пути не появился Марк.

Сама балерина к тому времени, нет, не свыклась окончательно, но как-то примирилась с отведенным местом в кордебалете не слишком популярного среди публики театра. Последние месяцы ее одновременно и радовала, и пугала мысль о существовании такой работы: работы скуч-

ной, неинтересной, нетворческой, механической, но позволяющей хотя бы как-то существовать. Того, что зарабатывал муж, хватало на хлеб, а Динины вялые движения на задворках сцены позволяли изредка класть на этот хлеб масло, сыр, а в случае небывалой щедрости к театру «то ли мэра, то ли его зама» даже колбасу. Она ощущала себя оператором машины под названием «балерина»: запустила двигатель, выполнила необходимый набор движений, отключила питание – вот и все функции без сбоев и неполадок. И хотя рабочим ее местом уже почти двадцать лет действительно был станок, теперь Дине казалось, что из легкого, воздушного, парящего, наполненного музыкой танцкласса она перенеслась в душный, дребезжащий цех тяжелых машин. Но и в этом времяпрепровождении она сумела найти плюсы. Возможно, сама, хотя, скорее, не без помощи мужа, который сначала намекал, а потом стал прямо говорить, что, как только он встанет на ноги, Дина сможет безболезненно уйти со сцены и сосредоточиться на рождении ребенка, не испытывая при этом ни угрызений совести перед режиссером, ни сожалений о прерванной карьере, которая и так прервалась задолго до этого. С таким настроением женщина и проживала будни, похожие друг на друга и не предвещающие никаких изменений, пока однажды...

– Говорят, вы прекрасно танцуете, – остановил Дину у служебного входа мужской голос. Он прозвучал даже не как комплимент, а как комментарий: ровный, безэмоциональ-

ный, лишенный всякого намека на лесть и подхалимаж. Девушка обернулась. Мужчина был высок и полноват, отчего казался больше и мощнее своих реальных размеров. Однако вид его оказался отнюдь не угрожающим: взгляд юрких, но не бегających темных глаз был прямым и открытым, густые полосы бровей не хмурились, а приподнимались на высоком, блестящем уже заметными залысинами лбу, как бы приглашая Дину к разговору. И она поддалась, вступила в игру:

– Кто говорит?

– О! – Восхищенным междометием ей намекнули на прямое попадание вопроса в цель. – Моя маман.

– А она знаток?

– Ну, я думаю, что человек, который способен разглядеть талант, загнанный с авансцены к дальней кулисе, определенно кое в чем разбирается. А вы что скажете?

– Определенно, – кивнула Дина и неожиданно для себя легко и громко рассмеялась. До того ей приятно стало и радостно оттого, что кто-то сумел заметить и оценить ее уже далеко не отточенные и несовершенные па. И подхваченная этим уже забытым ощущением безоблачности бытия добавила: – Я еще и не так могу!

Незнакомец сосредоточенно кивнул и ответил:

– Именно это она и сказала. «У этой девочки большой потенциал, – сменил он свой густой баритон на скрипучий фальцет, взбил правой рукой воображаемый шиньон на уже лысеющей голове и фальцетом же заключил: – Помяни мое

слово».

– Я танцевала в Большом, – призналась Дина, – главные партии.

Он не удивился, не переспросил, не выказал недоверия. Только протянул руку и представился:

– Марк.

– Дина.

Его рукопожатие было мягким, но в то же время решительным и деловым.

– Если через две недели ты согласишься выступить совершенно бесплатно в районном доме культуры, то когда-нибудь точно вернешься в Большой, я гарантирую.

И то ли от почти нахальной уверенности, прозвучавшей в этом заявлении, то ли оттого, что мужчина не проявил ни малейшего любопытства и не стал интересоваться причинами, перенесшими Дину со столичных подмостков в Новосибирск, а может быть, из-за теплого, панибратского «ты», насколько ее не покоробившего, девушка снова протянула руку и, пожимая его теплую, большую ладонь, произнесла:

– Идет.

И дело действительно пошло, закрутилось, завертелось колесо Дининого успеха. Она очень быстро стала главным и самым ценным проектом начинающего продюсера. Мама Марка была известным в узких кругах преподавателем фортепиано, великолепно играла не только на этом инструменте, но и на гитаре и флейте, прекрасно разбиралась во всех ви-

дах музыкального искусства, и если чем и обидела ее судьба, так только тем, что наградила ее единственным сына полным отсутствием голоса и слуха. Музыкальный слух у Марка действительно совершенно отсутствовал, зато присутствовал нюх: нюх на таланты. Кроме того, обладал Марк интуитивным пониманием технологий создания шоу, к которому еще не приклеилось слово «бизнес», и владел, нигде не обучаясь, пониманием процесса, которому позже присвоят название «раскрутка». К моменту встречи с Диной Марк добился для нескольких дворовых талантов мест в самых шикарных ресторанах, что, возможно, не было пределом мечтаний для творческих людей, но хорошо оплачивалось, позволяло откладывать деньги на будущие записи и мечтать о развитии головокружительной карьеры от нескольких жующих столиков к битком набитому «Олимпийскому». Марк превосходно владел самым необходимым атрибутом для создания артиста: он знал, как сделать его узнаваемым, импресарио предлагал условия, остальное делали сами подопечные. Марк не работал с бесталанными, хотя прекрасно понимал, что способен и из дерьма вылепить конфетку, но руки марать не хотелось.

Дина была и талантлива, и интересна Марку не только с точки зрения получения прибыли. Ее искусство относилось к высоким, и, продвигая в массы такую балерину, он мог, наконец, получить признание матери, которой сложно было смириться с тем, что ее сын зарабатывает деньги не на Чай-

ковском, а на «рококе космодрома» и «поникших лютиках». Поначалу о деньгах, тем более о прибыли, речи даже не шло. Не было у Марка денег ни на аренду зала дома культуры, ни на оплату музыкантов, ни на достойную рекламу. Зато хорошо был подвешен язык. Имелась ватага друзей и обширные связи. Директору дома культуры выписали проходной билет в подвал мясного отдела лучшего городского универсама, жену дирижера устроили рожать к желанному профессору, а местные мальчишки за мороженое трубили на всех углах о потрясающем концерте, который состоится в субботу в доме культуры в 18.00. Совершенно бесплатно для всех желающих. Оставалось лишь одно, но самое трудное: необходимо было сделать так, чтобы большая часть откликнувшихся оказалась не просто падким на халяву неискушенным, малообразованным и ничего не смыслящим в балете зрителем, а зрителем вдумчивым, придирчивым, выбирающим и оценивающим, – таким, чье мнение всегда и везде будет значимым и весомым. И здесь Марк призвал на помощь маму. Она не только привела на концерт весь преподавательский состав музыкальной школы, но и разрекламировала мероприятие в других учебных заведениях, профессура которых ерзала в неудобных, жестких креслах дома культуры в нетерпеливом и недовольном ожидании, заранее негодую на свою мягкотелость и неумение ответить отказом на вежливую просьбу. С началом выступлений их негодование и раздражение только усилилось. По задумке Марка выход Дины должен был стать

не просто запоминающимся, а сенсационным. Нигде талант не светится так ярко, как в сравнении с бездарностью, поэтому свой «бриллиант» продюсер оставил на десерт, выпустив в основном меню ничем не примечательных актеров. И только после диалога Добчинского и Бобчинского, задуманного классиком как уморительный и превращенного горе-артистами в утомительный, нескольких рулад детского хора, похожих на завывание, девочки-жонглера, постоянно роняющей то кольца, то булавы, и двух клоунов с шутками скорее скабрёзными, чем смешными, зрители достигли крайней степени раздражения и усталости от происходящего, а мама Марка сидела злая и красная и готова была провалиться от стыда если не сквозь землю, то уж сквозь ложу дома культуры точно, только тогда Марк выпустил Дину.

Она вышла, встала на пуанты и поплыла. И пока ее лебедь умирал под бессмертную музыку Сен-Санса, публика просыпалась и оживала. Дина не чувствовала затаенного дыхания зала. В тот день она танцевала только для двоих на всем белом свете. В первую очередь для себя, потому что снова на первом плане, потому что опять сольная партия, потому что после бесконечных двухнедельных репетиций в холодном мрачном подвале, куда Марк по договоренности с ЖЭКом привинтил станок, потому что она хотела, она заслужила, она могла... И еще она танцевала для него – для того, кто сидел в центре третьего ряда, на самом хорошем месте, откуда уже не требовалось задира́ть голову, а можно

было наблюдать за каждым ее движением, каждым жестом. И он наблюдал, смотрел восхищенно, и она хоть и не способна была видеть этого восхищения из-за света рамп, ощущала его, и только ради него, ради этих влюбленных глаз, ради его умиления и восторга она умирала на сцене.

И были аплодисменты, и был триумф, и было счастье и от рукоплесканий, и от оваций, и, самое главное, от скромного букетика маленьких белых кустовых роз, который он купил вместо масла или сыра.

– Это только начало, – гордо заявил ей Марк за кулисами.

– Это только начало, – поддержал его даритель букета, крепко прижимая к себе жену.

– Я знаю, Мишенька, – откликнулась она, совершенно умиротворенная, утопая в его объятиях.

И ни он, ни она не подозревали тогда, что было это действительно началом. Началом конца.

– Ты закончишь когда-нибудь? – Марк кивнул на недожеванный бутерброд.

Дина сунула остатки булки в пакет, аппетит пропал без следа.

– Уже закончила.

– Будешь здесь?

Дина взглянула на себя в зеркало, оценила время, необходимое гримеру для полного удовлетворения ее запросов:

– Еще минут двадцать-тридцать.

– Ладно, я тогда рассадку сделаю и покажу тебе.

– Говорю же, не надо. Я никого, кроме своих, не приглашала.

Марк вышел из гримерной, плотно закрыл за собой дверь, задумчиво посмотрел в перечень контрамарок с незнакомыми фамилиями и чуть слышно пробормотал:

– Никого ли?

Дина осталась сидеть за трельяжем, напряженная и задумчивая. Она отстраненно разрывала остатки лежащего в пакете бутерброда на мелкие крошки. Мысли ее были далеки и от грима, и от Марка, и тем более от контрамарок. Ее интересовало только одно: окажется ли занятым место в центре первого яруса и почувствует ли она сегодня струящийся оттуда свет восхищенных глаз.

– Ты что, плакала? – Верочка сочувственно смотрела на подругу.

– Да ну, ерунда, что-то в глаз попало.

– А... А мы сейчас в подъезд входили, из него Мишка, как оглашенный, выскочил. Костика едва не зашиб. – Верочка погладила по голове трехлетнего племянника.

– Угу, – мрачно отреагировала Ксанка. Маленький крикливый балбес, с которым подруга носилась с самого момента его рождения, не вызывал в ней ничего кроме брезгливости и неприязни. Во-первых, он был совершенно бесполезным, во-вторых, абсолютно бестолковым. В общем, таким клоном своей такой же никчемной мамы, вздумавшей родить от заезжего иностранца и вместо хорошей должности в больнице и места в ординатуре получить сопливого младенца с последующей перспективой выхода из декрета в лучшем случае на ставку фельдшера, а вероятнее всего, на скромную зарплату медсестры в ближайшей к дому поликлинике. Конечно, сама Ксанка до этого не додумалась бы, подсказали дворовые сплетницы и охочая до разговоров с ними мамаша.

– Главное, здоровенький, – изрекала Верочка, качая коляску с запеленутым Костиком, ту бесспорную истину, которой как бы защищались в их семье от необдуманного и недостойного советской девушки поступка Надежды.

– Хорошо, что не черненький, – заявляла Ксанка то, что слышала от матери.

– А хоть бы и черненький, все одно наш, – беззлобно откликнулась Верочка, не сводя с младенца влюбленных глаз.

Ксанку пеленки, соски и погремушки, на которых просто помешалась подруга, сначала просто не интересовали, но вскоре стали раздражать и даже бесить. Маленький, невзрачный, постоянно орущий и требующий постоянного внимания, Костик прочно занял в Верочкиной жизни первое место, отодвинув без каких-либо усилий Ксанку на совсем не почетное второе. Вопреки болтовне и предположениям местных кумушек, Надежду из института не отчислили и места в больнице не лишили. Видно, хоть и «непутевая» она была, и «слабой на передок» оказалась, специалистом все же обещала стать хорошим. То же самое, только, безусловно, другими словами, объяснила Верочке и мама: «Надюшу осудить всякий может, а необходима в данной ситуации только помощь». Верочку же ни о чем и просить не требовалось, она счастлива была в этой своей полезности и незаменимости. Всю первую половину дня до школы (учились они с Ксанкой во вторую смену) была она Костику и мамой, и папой, и нянькой. Ласкала, агукала, давала бутылочки, меняла пеленки и, отправляясь в класс, с неохотой оставляла свое дитя на попечение старенькой бабушки.

Через год Костика отправили в ясли, и Верочка теперь неслась из школы туда, чтобы скорее забрать малыша, по-

ка его «не уронили, не простудили, не запачкали» и еще миллион всяких других «не», появлением которых в жизни «драгоценного мальчика» она была заранее напугана. Даже ее влюбленность в Мишку на фоне новой всепоглощающей любви перестала быть такой яркой и мучительной, а тихонько тлела себе где-то в потаенном уголке души. Да и знакомое, не желающее отлипнуть от нее прозвище «Колобок» перестало казаться обидным и унижительным. Верочка уже не рассматривала себя в зеркале с тоской, она могла сама весело подмигнуть и этим пороссячьим глазкам, и коротким ножкам, и толстенькому выпяченному животу, и крысиному хвосту, свисающему с макушки несколькими сосульками, и махнуть рукой, прокричав: «Привет, Колобок!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.